

Бекнур Кусиков

А теда...

more

роман-экофантазия

Бекнур Кисиков

Я тебя... More

«Издательские решения»

Кисиков Б.

Я тебя... More / Б. Кисиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966530-0

В центре повествования романа-экофантазии находится столичный журналист, получивший задание написать статью о людях, исчезнувших на далеком острове посередине моря (прототипом которого выступает Аральское море). Пытаясь найти следы этих 12 пропавших людей различных профессий, главный герой невольно окунается в атмосферу жизни рыбаков, моряков, охотников и других людей, поколениями живущих вокруг моря. «Я тебя... More» — социальная любовная элегия, где любовь — источник и ключ к жизни.

ISBN 978-5-44-966530-0

© Кисиков Б.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	7
Глава 1. Вагон-ресторан	7
Глава 2. Журналистское задание	11
Глава 3. Майор	15
Глава 4. Гостиница	19
Глава 5. Театральная постановка	23
Глава 6. Бар «День – Ночь»	29
Глава 7. Киносеанс	34
Глава 8. Дорога на Море	39
Глава 9. Дом Хромого Капитана	42
Глава 10. Мирия	45
Глава 11. Рыбацкая артель	49
Глава 12. Рыбацкий поселок	52
Глава 13. Дом Рыбака	56
Глава 14. Заволния	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Я тебя... More

Бекнур Кисиков

Редактор Багиля Ахатова

Редактор Лариса Нода

Дизайнер обложки Татьяна Храмцова

Корректор Гульжан Наратаева

© Бекнур Кисиков, 2019

© Татьяна Храмцова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-6530-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Ты меня любишь?

– Может ли это слово передать все то, что я к тебе испытываю? Я тебя море!!!

Так, как может захватить тебя всего, не оставляя ни одной мысли о чем-либо другом, заполняя собой и наполняясь тобой, она растворяет мои множества. Я внутри себя.

Ты – как море! Я тебя ...море!

– Дурачок, – рассмеялась она. – Надо же, придумал: «Я тебя море». Я тебя тоже ...море.

Часть 1

Глава 1. Вагон-ресторан

– Вы думаете, так трудно написать роман, Арсен? Его труднее перечитывать. А написать, тьфу, раз плюнуть.

– Почему тогда вы сами не пишете, Шонби?

– Я не делаю то, что очень легко. А вот читать, я имею в виду серьезно читать, невероятно сложно в наше время. Читать, замечая буквы, впитывая знаки, расшифровывая контекст и нагружая его дополнительными смыслами, которые, может быть, автор и вкладывал в текст, – огромный труд и подвижничество. Это вселенная таинственных значений и смыслов. Ведь столько уровней понимания написанного... Эх... Вот, к примеру, прочтите пару строк из того, что вы читаете.

– «Напротив, он только теряет – сначала исчезающую рыбу и море, потом жену и семью, наконец, жизнь. Он приговорен к этим потерям не только в силу своего „собачьего характера“ – неуживчивого и честного. Против него сама эпоха правления Большого Человека, с ее безмерным узаконенным лицемерием в глаза и за глаза...».

– Эхма, какой мрачный текст.

– Так о серьезных вещах пишет человек.

– Автор часто пишет о себе, о своем характере, боли, о том невысказанном. Если главный герой, в данном случае, потерял море, значит, автор пропустил эту боль через себя.

– А что вы думаете о фэнтези?

– Фэнтези – это вымышленный мир автора, пребывающего в детстве. Это его взрослые сказки, те, куда он хочет попасть. Эти игры с воображением – сплошной эскапизм. Считайте это бегством от реальности. Кстати, а почему вы выбрали именно эту книгу?

– Я еду на море, о котором повествует автор, – отложил в сторону том Арсен. – Хотел подробнее узнать быт, характер, особенности.

– О море невозможно прочесть, ведь оно полно сожалений и забытых дней.

– Забытых дней?

– Дней, которые остановились. Как в фильме «День Сурка», вечно повторяющийся один и тот же день. Вы смотрели его?

– Смотрел, тоскливая картина о скучном дне. Мне было искренне жаль главного героя, застрявшего в унылой провинции.

– А мне, знаете ли, нравится, – Шонби прикусил в задумчивости дужку очков. Так делал отец Арсена, когда хотел сказать что-то серьезное. – В этом фильме появляется город. Вернее, городок. Провинциальный городишко, в который, наверное, мало какой человек захочет поехать. Но для меня такие тихие городки – просто мечта.

– Город как город. Всего лишь пара улочек. Что в нем особенного? – удивленно спросил Арсен.

– А нет, – снисходительно улыбнулся собеседник. – Вот сразу видно, что вы выросли в большом городе.

– При чем тут это?

– При том, что вам и не понять очарования провинциального городка. А он, этот киношный Панксатони, просто шикарен.

– Если я не ошибаюсь, снимали фильм в другом городке.

– Да какая разница. Я говорю не о названии, а вообще о провинции, где свой маленький уютный мир и все друг друга знают. Там время течет медленно, а люди не торопятся и не теряют

себя в ежедневной беготне. И самое главное: там воздух свеж, и люди чисты. Большой город похож на ад, а соседи даже не знают друг друга.

– Так это же прекрасно. Никто не лезет в твою жизнь.

– Сосед важней родственника! – многозначительно поднял палец вверх Шонби. – В большом же городе человек человеку враг. А в этом самом Панксатони – идеальная жизнь. Наверное, только из-за этого чудного городка я хочу пересматривать этот фильм снова и снова.

– Но в фильме главный герой страдает от того, что застрял в Панксатони надолго.

– Он такой же городской, как и вы. Я не хочу вас обидеть, но вы, жители большого города, не понимаете провинцию.

– Я бы не стал идеализировать провинцию, – возразил Арсен, с любопытством разглядывая собеседника. – Провинция – синоним отсталости, упадничества. Прогресс всегда был связан с урбанизацией.

– В городе намного больше деградации, нежели прогресса. Но что спорить, вас не переубедить. Вы же из этих, из поколения «неубеждаемых», – вздохнул Шонби. И продолжил:

– Гало эффект – так, кажется, называется в психологии суждение о человеке по первому впечатлению. В большом городе нет времени разглядывать внутренний мир человека. Там в день десятки гало эффектов на каждом перекрестке.

А здесь, в этом вагоне-ресторане, время течет медленно и есть возможность рассмотреть этого пожилого мужчину, скорее всего, пенсионера или дорабатывающего до пенсии в какой-либо большой организации и мечтающего вернуться в провинцию, где он, вероятно, и родился. Вернуться, чтобы разводить кур или коз, а вечерами сидеть на лавочке и неторопливо беседовать с соседями. Наверное, уже и внуки у него есть. Но никуда он не уедет, так как не осознаёт, насколько привык к городу. Да и вряд ли жена на старости захочет поехать куда-то в глушь. Только и остается мечтать этому бедному Шонби.

– А что любите читать вы?

– Это зависит от настроения. Я люблю одновременно читать, слушать музыку и ...смотреть телевизор. Но если сложное произведение, его не считаешь под включенный телевизор. Вот на днях я читал Ницше, так мне пришлось выключить все: для постижения Ницше нужна полная тишина, никакого фона.

– Ницше и есть тишина, и самое лучшее – его не читать. Он мне не нравится.

– А в восприятии Ницше нет таких земных, обыденных категорий, как симпатия или антипатия. В его текстах другое измерение, особая поэтика, и даже в ужасном моральном афоризме таится красота.

– Забавно. Вы, наверное, филолог?

– Я архитектор. Строю города, которые, чаще всего, возведены такими провинциалами, как я. Но большие проекты вытесняют большие мечты. А мне нужно от жизни совсем немного.

– Прожить повторяющийся день в маленьком городке? – съязвил Арсен.

– Провинция делает людей лучше, чище. Человек становится благороднее, добрее, спасает многих людей. Ведь в том самом фильме главный герой, в конце концов, по-настоящему влюбляется. А в большом городе он превратился в циника, в высокомерного выскочку, был несчастлив, потому что был эгоистом, как и все. Там и любовь романтическая снаружи, а внутри – черствая и эгоистичная. Разве эгоисты могут быть счастливыми?

– Вообще-то, главный герой хотел оказаться на берегу солнечного океана, а не в зимнем сонном городке. Это был бы его идеальный повторяющийся день.

– Не важно, где, а важно кем. Не попади он в провинцию, он так бы и остался несчастным одиночкой. Большой город не создан для большой любви.

– Да вы настоящий ненавистник городов!

– Потому что города разрушают душу.

– Но вы сами стали тем, кем являетесь, благодаря городу.

– Молод был. Проживи я в том маленьком городке, где родился, возможно, был бы счастливее.

– Как знать, – усмехнулся Арсен. – Grimасы судьбы настолько непредсказуемы, не правда ли?

Шонби не ответил, уставившись в окно, словно прокручивая в голове вариант своей жизни в провинции. А Арсен про себя посмеивался над этим странным мечтателем. Жизнь в провинции – это блажь, глупая мечта горожанина. Провинциал, привыкший к теплой квартире в большом городе, сбежит из дома, который придется топить углем, при первых же холодах. Город не делает человека стойким, а тепло ценится при его отсутствии.

– Кем вы работаете? – вдруг спросил Шонби.

Арсен погладил стакан, нервно затарабанил пальцами по столу и нехотя ответил:

– Я журналист.

– Ого, – удивленно покачал Шонби головой. – Легкая профессия.

– Не легче остальных.

– Что же вы потеряли в этих «провинциальных» краях, господин журналист? – насмешливо спросил Шонби.

– Журналистское расследование.

– Что же вы расследуете? – собеседник стал внимательно рассматривать его, словно прежде никогда не видел журналистов.

– Исчезновение людей, – Арсена вдруг стало раздражать любопытство этого человека. Он привык сам задавать вопросы, нежели отвечать на них. Журналистов никто не жалуется, и порой им приходится скрывать свою профессию.

– И сколько же пропало?

– Двенадцать, – угрюмо буркнул Арсен.

– Хм, – недоверчиво протянул собеседник. – Однако.

И вдруг, потеряв интерес к разговору, уставился в монитор своего ноутбука, будто бы забыв о существовании собеседника. Станный тип...

Арсен неторопливо отпил чай из стакана.

За окном тянулся бесконечный пейзаж. Унылая, голая степь, где с трудом пробиваются робкие признаки растительности. Одинокое бредущий дромадер, редкие табуны лошадей, пасущиеся скудной растительностью. Временами попадались саманные домики, покосившиеся от старости и ветра. И всюду – неприветливая степь, то переходящая в пески, то в каменистую пустошь.

– Ну и как вам местный пейзаж? – опять поднял голову архитектор. Ему, видимо, нравилось выдирать Арсена из раздумий.

– Я не вижу особого пейзажа. Степь да пустыня. Пустота, смотреть не на что, – хмуро проронил Арсен.

– Какая же это пустота? Вы знаете, как много жизни в этих, как вы сказали, пустотах? Наслаждаться пустыней – это искусство. Вы, городские, не умеете любить пустоты, – завелся Шонби. – В каждой пустоте есть полость. Просто это нужно увидеть.

– Все любят леса и горы, – упрямо твердил Арсен, вызывая гнев у собеседника. Ему хотелось разозлить, вывести из себя, сломать менторский тон архитектора.

– Ха, – снисходительно скривился Шонби. – Все экологи только и умеют защищать леса и горы. А кто защитит степь?

– А что ее защищать? Там есть что оберегать?

– Вот-вот, – возбудился архитектор. – Да в степи столько жизни! Жизни, которую нужно защищать. И столько красоты. Легко любить леса и горы. А ты попробуй полюбить степь и пустыню?

– Так вы сами же говорите, что легко любить леса и горы. Вот я и люблю леса и горы, – усмехнулся Арсен.

– Популистская экология, вот что я вам скажу, молодой человек, – вскричал архитектор и, немного успокоившись, уже миролюбивым тоном добавил. – Это как классика и попса. В пустыне много внутренней сдержанной философии. Именно в пустыню уходят святые, чтобы очиститься. Сам Иисус ушел в пустыню на сорок дней. В пустыне человек перерождается, на него находит озарение. Для кого-то это просто пустыня, а для «посвященного» это тожество духа. И как жаль, что общество несправедливо к пустыне, которая для него почему-то стала символом пустоты.

– Вы, наверное, философ, а не архитектор?

– Я математик по образованию. И немного философ. Но это, скорее, хобби. Чем ближе пенсия и старость, тем больше ты становишься философом. А философией пронизаны все науки, та же математика. Вот, вы говорите, пустоты. А пустоты полны полости, как говорил Перельман. Кстати, вы слышали про Перельмана?

– Это тот сумасшедший, который отказался от миллиона долларов?

– Ага, значит, слышали. Но и как все обыватели, слышали про миллион. А что такое миллион, если он реально может управлять Вселенной? Если он все пустоты заполняет величинами. И благодаря его формуле Вселенная предстает как бумага, которую можно смять и растянуть.

– Вы знаете, я не философ и не математик. Я трогаю то, что вижу. А вижу то, что трогаю. В нашей работе факты – это основная база и философия, на которой строится вся жизнь. А верить разным мечтателям не наше дело

– Весь мир построен на мечтателях, – усмехнулся Шонби. – Так что вы расследуете, молодой человек?

– Достаточно необычное дело. Я бы сказал – таинственное. В городе N пропадают люди. Пропадают странно. Бесследно. И никто не может их найти. Вы слышали об этом?

– Слышал ли я об этом? – невозмутимо сказал Шонби, закрыв ноутбук. – В мире каждый день пропадает куча людей. Ведь в том городе, о котором вы говорите, пропало когда-то море? Так почему бы не пропасть и людям? Что тут удивительного?

– Здесь другой случай. Почему именно в этом городе и почему в таком количестве?

– А сколько их пропало? Двенадцать, говорите?

– Двенадцать. Хмм, – задумчиво сказал Шонби. – Магическая какая-то цифра. Они, поди, сектанты, прячутся теперь в какой-то пещере и молятся своим богам. Сейчас немерено их развелось. Надеюсь, что вы найдете их.

– Моя задача написать репортаж, а не найти их.

Звонок на телефон отвлек Шонби, и он взял свой старый, допотопный телефон.

– Сейчас. Иду, – ответил он в трубку и спешно засобирался. – Супруга ждет. Не может без меня, – виновато улыбнулся он. И, собрав вещи, попрощался:

– Ну, спасибо вам за компанию, молодой человек. Желаю удачно провести журналистское расследование. И да, находите красоту там, где ее нет. Мир очень красив. И красив всеми формами. Это я вам как архитектор говорю. И мы обязательно встретимся, Арсен.

Глава 2. Журналистское задание

Когда он решил стать журналистом, над этой профессией витал элитарный флер. Журналисты казались небожителями, для которых открыты все двери, доступны все звезды, да и сами они были частью богемы, куда простым смертным было не попасть. То, что писали в традиционных, сильно цензурированных газетах, чаще всего, читало взрослое поколение. Они перечитывали каждое предложение, пытались найти скрытый подтекст в передовицах – ведь сухой, официальный текст нес несколько пластов понимания.

Но Арсен пропускал официоз и искал светские новости. Он тщательно изучал каждую заметку о той или иной звезде, а самые яркие репортажи вырезал и собирал в папку. Читать о звездах ему доставляло эстетическое наслаждение. Они были далеко, эти звезды, и он мало понимал те области искусства, где они блистали. Но возле них был притягательный ореол таинственности, отмеченный высшими силами, и это сияние чувствовалось даже через печатные буквы.

Ему не удалось поступить на факультет журналистики. Он не смог устроиться даже помощником или посыльным в редакции и продолжал мечтать о профессии, работая чернорабочим на стройке. Он, как Георг Кроль¹, продолжал заниматься нелюбимой работой, не пропуская ни одну светскую хронику в журналах и газетах.

Он прочитал о журналистике все, что нашел. Даже рассказ Марка Твена «Журналистика в Теннесси». Несколько раз перечитывал «лучший журнальный очерк всех времен и народов» Гэма Таллезе² «Фрэнк Синатра простудился», подпитывая свою мечту.

И каждый шаг приближал его к мечте.

...

Свой первый день в редакции он помнит смутно, настолько был взволнован. Но в память врезалось первое задание: взять интервью у писателя – живого классика литературы. Долго договаривался с писателем, появился в его квартире, где около часа ждал в гостиной, пока мэтр не соизволил выйти к нему. И, наконец, увидев перед собой знаменитость так близко, совсем оробел. Писатель, привыкший к постоянному пиетету, вальяжно развалился в кресле и надменно посмотрел на юного смущенного репортера.

– Они не могли прислать кого постарше? – проворчал он. – Совсем не уважают.

Арсен покраснел и совершенно потерял дар речи.

– Ты хоть книги-то мои читал, мальчик?

– Я прочитал все ваши книги, – запинаясь, с трудом выговорил он.

Арсен действительно обожал произведения этого классика, на которых, фактически, вырос. А перед интервью перечитал некоторые из них, особенно роман «Гроза в лунный четверг».

– О, – снисходительно улыбнулся писатель. – И что ты понял в нем?

– Это произведение о любви юноши и девушки из двух враждующих старинных родов. Их семьи против этой любви. Тогда юноша и девушка тайно венчаются, а потом из-за непред-

¹ Георг Кроль – персонаж романа немецкого писателя Эриха Марии Ремарка «Черный Обелиск».

² Репортаж об известном певце, написанный журналистом Гэмом Таллезе (англ. Gay Talese). Фрэнк Синатра отказал журналисту в интервью из-за простуды. Но репортёр не сдался: следовал за певцом по пятам, беседовал с его секретарём, пресс-секретарём, парикмахером, агентом, шофёром, музыкантами, студийными боссами, партнёрами по покеру, приятелями, детьми, бывшими жёнами, рассказывает швейцарская газета NZZ am Sonntag. Образ Синатры выписан так, будто Таллезе знал его с детства. В конце 2005 года журналист представил читателям новую книгу со старым названием – «Фрэнк Синатра простудился». Это антология его статей, опубликованных в журналах Esquire, Atlantic Monthly, New Yorker, Rolling Stone, Harper's Magazine. Критики называют эти произведения «новой журналистикой».

виденных обстоятельств они выпивают яд и умирают. Трагичный финал, – добавляет репортер с видом знатока.

– Вообще-то они прыгнули со скалы.

– Ой, извините, – сконфузился репортер. – Я перепутал с сюжетом «Ромео и Джульетта».

– Ты на что намекаешь? – побагровел вдруг писатель. – Вон! – закричал он, показав на дверь. – И пусть ваша газета больше не приближается ко мне. Вы как были прислужой литературы, ею же и остались.

...

– Прислуга литературы? Ха-ха-ха, – засмеялся шеф-редактор, услышав сбивчивый рассказ Арсена. – Кому он нужен, этот мэтр. Тоже мне, возомнил. Все свои сюжеты он отовсюду переписал, как старательный школьник. Да и вообще, настоящая литература сегодня – это журналистика, а то, что пишут эти зануды – никому не нужная графомания. Тоже мне, рассмешил.

....

Потом Арсен научился не робеть перед звездами и, тоже став частью богемы, потерял былое восхищение, увидев за яркими софитами обыкновенных людей. И уже не он бегал за ними, а они искали с ним знакомства, чтобы дать интервью. Так их звездность вмиг исчезла.

Журналистика между тем менялась, подстраиваясь к аудитории, все больше предпочитавшей скандалы и криминал. Журналистика уже не влияла на общественное мнение, а, скорее, обслуживала низменные интересы своей аудитории. Да и цепи цензуры, сдерживающие общественные нормы, разорвались. Репортажи перестали отображать действительность, прекратив развивать сознательность читателей. Реальность стала поставщиком слухов, которые перепечатывали газеты и журналы. Желтая пресса стала самым раскупаемым товаром. Героями таблоидов порой становились странные персонажи, далекие от норм морали, вместо традиционных представителей искусства и науки. А элитная журналистика, которую пестовал в себе Арсен, стала невостребованной, превратив его в нищего корреспондента. И он озлобился, разочаровавшись в своей профессии. Стал циником, как и читатели, которые перестали верить манипуляциям прессы. **Ведь в конечном итоге всегда выигрывает читатель.**

Мечта, к которой он стремился, оказалась неинтересной и порой – омерзительной. Арсен стал переходить на криминальную хронику, где платили выше. Он больше ничего не умел делать – и стал выполнять самую грязную работу, как когда-то на стройке. Но эта грязь была грязнее той, физической. Он достиг совершенства в информационных заказах и даже стал своего рода «киллером». Только убивал тем оружием, которым владел в совершенстве – словом.

А с появлением интернета большая часть журналистики ушла во всемирную сеть, потребность в его услугах возросла. Ведь не нужна типография, долгая писанина, глубокий анализ темы, дотошное изучение фактов – аудитория интернет стала огромной, всеядной и проглатывала все, чем ее кормили.

Журналистское расследование стало его фишкой. Хотя оно уже отличалось от старой формы расследований: сегодня нужна интерактивность, мгновенность и сиюминутность. Информация, которая опоздала на час, уже бесполезна, как соус после еды. И пусть Хантер³ ворчит, главное, чтобы деньги текли рекой.

Арсен совершенствовал навыки информационного киллера, освоив социальные сети, не брезговал и блогингом. Прелесть интернет эпохи была в том, что ты сам мог печатать свой виртуальный тираж, и никто тебе не цензор.

В основном, заказы ему давал шеф. А если клиенты выходили напрямую, то ему приходилось делиться с шефом. В какой-то момент денег стало так много, что он начал ими разбра-

³ Известная цитата известного писателя и родоначальника Гонзо журналистики Хантера Томпсона: «Я покончил с американской журналистикой. Упадок нашей прессы очевиден, а у меня слишком мало времени, чтобы тратить жизнь на ежедневное скармливание людям с улицы всем приевшимся клише».

сываться. Устав от бурных вечеринок и ночных клубов, он переместился в казино. Но игра чуть не стоила ему финансового благополучия и профессии. Он старался управлять своими страстями, но эта слабость оказалась ему не под силу. Это проклятое заведение, ворочаемое лукавым, чуть не высосало все его соки.

И ...забрало удачу.

Фортуна внезапно изменила ему. Нельзя быть удачливым везде. Иначе как объяснить поведение шефа, который вдруг запретил ему печатать горячий скандальный материал, за который готовы были заплатить круглую сумму? Это же не просто материал, а сенсация! И, конечно же – фанфары, аплодисменты, панегирики в его адрес. Да, будут колкие и язвительные комментарии, а может, и критикующие публикации конкурентов.

Ну и что? Это часть публичности и известности, обязательный атрибут признания. Про неинтересного человека ничего и не пишут.

Но в этот раз все пошло не так. Шеф, такой же авантюрист, как и он сам, сначала было загорелся и даже дал добро на публикацию. Да, фактов было мало, скорее, материал представлял набор слухов. Но порой именно слухи, а не факты больше всего и интересуют читателей.

...

В день выхода материала он с предвкушением славы открыл первую полосу и ...ничего не нашел. Никакого намека на его материал. Он перелистал страницы, хотя удивительно, ведь его статьи всегда были на первой, самой важной полосе. Заказные материалы, коммерческие пиар-статьи и прочий хлам. словно газета вдруг стала немой и глухой. Кто же будет читать этот мусор?

Он в бешенстве скомкал газету и выкинул в помойный ящик.

...

Шеф сначала долго прятался от него в кабинете, окружив себя сотрудниками: изображал занятость. Наконец, он поймал его наедине.

– Шеф, в чем дело? – спросил он возмущенно. – Где мой материал?

– Арсен, присядь, – показал шеф на стул. – Материал пришлось снять.

– Что?

– Хочешь покурить? – главный предложил ему гаванскую сигару, которую курил, когда нервничал.

– Что за издевательство, шеф? – Арсен стал закипать от бешенства. Непривычное поведение редактора выводило его из себя.

– Арсен, я хочу, чтобы ты спокойно меня выслушал

– Хорошо, я слушаю, – еле сдерживая себя, в холодной ярости прошипел Арсен.

– Ты перешел дорогу влиятельным людям, – шеф невозмутимо отрезал кончик сигары и подкурил от зажженной спички. Он считал, что зажигалки портят вкус закуриваемого табака и пользовался только спичками.

– Разве это впервой, шеф? На том газета и стоит.

– Ну, газет много.

– Правильно, газет много. Но мы – одни. Мы единственные. Поэтому нас читают. Поэтому нас любят. Разве это не показатель нашей работы?

– Да, – согласился он, пытаясь не смотреть ему в глаза. – Но есть одно «но».

– Что за «но»? – настороженно спросил Арсен. – Ты ведь понимаешь, шеф, что без моих материалов цена твоей газеты – пять копеек.

– Арсен, ты слишком много возомнил о себе. Не задирай нос, ты всего лишь рядовой репортер.

– Хорошо, шеф. Тогда объясни мне, глупому, причину того, почему мы скатываемся в рядовую серую газетенку.

– Арсен, – сказал шеф примирительным тоном. – Мы с тобой много прошли. Я тебя очень ценю. Но в этот раз я не могу подписать материал в номер.

– Но почему?

– Потому что у нас нет фактов. Нет доказательств. Нашу газету могут закрыть.

– Почему-то раньше ты об этом не думал.

– Раньше мы трогали рыб поменьше. Сейчас же задели крупную рыбу.

– Я не боюсь крупной рыбы.

– Зато я боюсь. Мне важно держать газету на плаву. Платить зарплату сотрудникам. Из-за одной оплошности мы можем потерять все.

– Так вот как это все называется, – разочарованно протянул Арсен. – Ну что же. Мне тогда скучно будет находиться в таком болоте.

– Я прошу тебя, не горячись. Возьми другую тему, – стал успокаивать его шеф. – Давай отдохнешь? А?

– Что за торг, шеф, – презрительно фыркнул Арсен. – Меня с руками ногами заберут в другие издания.

– Да, ты ценный кадр, – восхищенно промолвил шеф. – Но неужели ты бросишь меня?

– Не знаю, шеф, – задумчиво ответил Арсен, подперев подбородок руками.

– Арсен, вот смотри, – протянул шеф газету. – Здесь написано о массовом исчезновении людей. Представляешь, это может быть наш Бермудский треугольник. Если ты раскопаешь это дело – я тебя озолочу.

Арсен нехотя взял газету и рассеянно пробежался по заметке.

– Ты давно не отдыхал. Тебе нужно развеяться, подлечить нервы, отвлечься. А как вернешься, поговорим о других темах. Мы же партнеры, Арсен, – он дружески хлопнул его по плечу. – И да, там море, пляж, девушки. – Он мечтательно закатил глаза. – Эх, да я бы сам поехал туда вместо тебя.

– Море?

– Море, Арсен. Море!

– Тут написано, что исчезло двенадцать человек. Это правда?

– Одиннадцать.

– Нет, двенадцать.

– Вот и съезди. Проверь на месте, – вкрадчиво увещевал шеф. – Ты из всего сделаешь сенсацию. Ты же гений.

– Ну не надо мне тут льстить, шеф, – ухмыльнулся Арсен, но похвала ему была приятна, и он немного оттаял.

Шеф столько раз его выручал, научил многому – он как отец. Хотя отец ему не сделал столько добра, как тот же шеф. Действительно, ему нужно на море. Отдохнуть. Переварить все это. Прошедшие месяцы были очень напряженными. Но он еще вернется к этим материалам, сделает это хитро. А пока пусть редактор думает, что обманул его:

– Хорошо, шеф. Дай мне подумать.

– Подумай, Арсен. Подумай, – засуетился шеф и, приобняв его за плечи, проникновенно зашептал. – Ты мне как родной. И я ни за что не отдам тебя кому-либо.

...

Как только Арсен вышел из кабинета, шеф подбежал к телефону и набрал номер:

– Алло, – ответил властный голос на том конце.

– Я с ним поговорил, – угодливым тоном проговорил шеф.

– И что?

– Я его убедил.

– Хорошо, – голос стал довольным. – Я передам вам то, что обещал. – И не прощаясь, неизвестный положил трубку

Глава 3. Майор

- Горячие пирожки! Жареные пирожки с картошкой! – встретил Арсена перрон вокзала.
- Мужчина, не хотите пирожков? – подбежала к нему бойкая торговка.
- Спасибо. Нет, – инстинктивно зажал нос Арсен.

Запах жареных пирожков с картошкой преследовал всю поездку: почти на каждой станции, в вагоне-ресторане и почти у всех соседей по купе. К этому запаху примешивался запах вареных яиц.

Жареные пирожки хорошо готовило его мама, которая в тесто добавляла кефир. А начинку делала из вареной картошки, перемешивая ее со сливочным маслом и сметаной. Он помнил эти пышные, воздушные, обжаренные до приятного золотистого цвета на любимой маминной чугунной сковородке пирожочки. Казалось бы, это должны быть приятные воспоминания о детстве, как у Пруста⁴, который ел бисквит.

Но приятным воспоминаниям мешала интерференция⁵, как назвал его психолог эту навязчивую ассоциацию. Отец любил эти пирожки и заставлял маму готовить их каждый раз, когда был пьян. А пьян он был почти всегда. Наевшись пирожков, он устраивал обязательный скандал. А иногда...

Арсен с содроганием вспоминал эти моменты, пытаясь стереть их из памяти. Но чем больше он пытался забыть, тем чаще перед его глазами возникала эта ужасная картина: молящая о пощаде мама и нависший над ней отец.

Боже, как же он хотел уничтожить его. Сколько раз он представлял себя богатырем, останавливающим отца. Но ему было страшно. Ему всегда было страшно. И этот страх стал частью его жизни, именно пирожками с картошкой была пропитана атмосфера страха и отчаяния в их доме.

- Мужчина, не хотите пирожки? – не отставала назойливая торговка.

– Отстань, – бесцеремонно отодвинул ее коренастый крепыш в полицейской форме и протянул руку Арсену. – Добро пожаловать, Арсен. Позвольте представиться – лейтенант Макс. По указанию шефа полиции прибыл встретить вас.

– Здравствуйте, Макс, – пожал его широкую, словно лопата, ладонь Арсен. – Куда поедем?

- Сначала к шефу, – Макс взял его чемодан. – Вы хотели познакомиться с материалами.
- Хорошо.

Отец часто рассказывал о своем сельском детстве, считая, что проведенное на природе время намного полезнее для ребенка.

Арсен и не хотел бывать в провинции. Он выезжал-то пару раз и то по заданию редакции. Он чаще бывал в других странах, чем ездил по своей стране. Город был его основным катализатором, а провинция – параллельным миром.

Говорят, что в провинции есть свой тихий, привычный уют, который непонятен человеку городскому. Обособленность от большого мира делает жителей спокойнее, добрее, безмятежнее – словно в глубинке меньше проблем, чем в городе. Люди в провинции, словно в ашрамах, медитативны и созерцательны. Но Арсен не доверял внешнему благодушию ашрамов, как

⁴ В результате многочисленных исследований психологи пришли к выводу, что на поведение человека большое влияние оказывают запахи. Этот феномен получил название по имени французского писателя Марселя Пруста (Marcel Proust), который в своем романе рассказал о том, как живо всплыли в памяти самые радужные воспоминания из детства, всего лишь после того, как он съел бисквит, вкус которого напомнил ему печенье, которое он ел, будучи совсем маленьким мальчиком.

⁵ Интерференция – теория, относящаяся к человеческой памяти. Интерференция появляется, когда происходит взаимодействие между новым и уже имеющимися воспоминаниями, что ведёт к негативному влиянию на усвоение новых ощущений.

и самой периферии. Он предпочитал честную категоричность города притворной учтивости и обособленности.

Он не любил провинцию, как и провинциалов. И этот городок Арсену тоже не понравился. Он, в общем-то, и не ожидал чего-либо особенного. И дело даже не в жареных пирожках. Ведь помимо пирожков, тонкий нюх Арсена ощутил целый коктейль запахов: прокисшего молока, сушеной рыбы и дурманящего аромата весенней полыни.

Здесь было унылое однообразие – за это Арсен и не любил мелкие городки. Унылый типичный вокзал, унылая разбитая дорога, унылые облезлые дома и ...унылые мрачные жители, словно зомби, бредущие по пыльным от ветра и песка, дворам.

И соль.

Она была везде – на домах, на одежде, на улицах и в воздухе. Соль проникала в глаза, уши, рот и нос, и через некоторое время ты сам становился частью соленого мира. Вместе с ветром в кабину залетела соленая пыль, и Арсен закашлял.

– Да, здесь много соли.

– Вместо моря у нас теперь везде соль, – извиняюще улыбнулся Макс, закрывая окно. – Говорят, что ветер доносит эту соль даже до другой части земли. Так что наша соль – товар на экспорт.

– А где же море? – недоуменно спросил Арсен, надевая солнцезащитные очки и прикрывая рот платком.

– Ушло море. Еще до того, как я родился, – жизнерадостно ответил Макс. – Вы разве не знали?

– А как же пляж? – Арсен ошарашено посмотрел в окно, пытаясь найти море. – Мне сказали, что здесь бурлит курортная жизнь.

– Да это, видимо, было давно, – довольно хохотнул Макс. Ему часто приходилось разочаровывать прибывавших, которые почему-то представляют, что здесь есть море. И смущенный вид важных гостей компенсировал их высокомерие. – Конечно, остался кусочек моря, где-то в ста километрах отсюда. Но там нет пляжей, там рыбацкий промысел, не более того.

– Ну и дела, – растерянно промолвил Арсен. Вот ведь негодяй шеф, мало того, что отправил его в ссылку в глушь, так еще без моря. Он же прекрасно знает, что Арсен не любит провинцию.

– Но и без моря у нас прекрасный город, – сказал Макс, посмотрев в зеркало на удрученный вид гостя, разглядывающего город через окно.

Одноэтажный мир сюрреалистичного городка. Дома, наглухо закрытые ставнями, дворы, плотно огороженные тяжелыми досками, ворота с тяжелыми засовами – жители словно пребывали в осадном положении.

– Как у вас криминальная обстановка, Макс?

– Все спокойно! Мы контролируем ситуацию! – бодро отрапортовал жизнерадостный лейтенант. – Только вот этот случай портит всю статистику.

– Да, случай у вас действительно экстраординарный. Столько людей исчезло за один день.

– Да нам бы поменьше таких сенсаций, – он со злостью надавил на газ, проехав через озеро, которое белело между домами.

«Настоящая дыра, Прости Господи. И как люди живут здесь», – подумал было Арсен, но его мысли прервал Макс:

– Прибыли, шеф.

Они подъехали к двухэтажному серому зданию. Арсен вышел из машины. Колючий ветер, словно охотясь за ним, резко ударил его в спину всей своей силой. А неприветливое здание уныло серело, сливаясь с бело-желтым фоном окрестностей. Они прошли мимо постового, который почему-то вытянулся и отдал им честь, хотя по званию был капитан. Поднявшись

на второй этаж, они прошли в конец длинного коридора и вошли в маленькую прихожую, где сидела миловидная девушка.

– К шефу, – бросил Макс и раскрыл перед Арсеном тяжелую дубовую дверь.

Арсен вошел в просторный кабинет, почти всю стену которого занимал величественный портрет. За таким же массивным, как дверь, столом, восседал кряжистый мужчина средних лет в форме. Майор печатал на компьютере, одновременно разговаривая по телефону.

– Здравствуйте, – негромко поприветствовал его Арсен.

– О, господин журналист! – обрадовался он, живо вскочив с места. – Как я рад вас видеть. – Подбежал он к нему, двумя руками пожимая его руку: – Как доехали?

– Жаль, что к вам не летают самолеты. Сэкономил бы время. Поезд высасывает все силы.

– Почему не летают? Летают! Но маленькие, санитарной авиации. Но, правда, только по особым случаям. А вот регулярных рейсов нет. Только поезд или автобус, – огорченно проговорил шеф. – Может, пообедаем, Арсен? Вы же с дороги.

– Только кофе, если можно. Я не голоден.

– Лейтенант, попроси два кофе, – приказал он и предложил Арсену стул. – Вечером я приглашаю вас на ужин.

– Вы так любезны, майор, но я не хочу вас беспокоить.

– Какие беспокойства, позвольте. Для меня честь принимать столь дорогого гостя.

– Все же, майор, я здесь по делу, – сухо отказался Арсен, присев на стул. – Я хотел бы познакомиться с материалами.

– Они все здесь. Как положено, аккуратно подшиты, страница к странице, – вытащил из сейфа папку и передал Арсену.

Вошла секретарша, изящно держа поднос с кофе, бутылкой водки и закуской: мясо, зелень и жареные пирожки с картошкой.

Арсен поморщился:

– Мне только кофе.

– А может, сто грамм за знакомство?

– Нет, я не могу с утра. Мне, пожалуйста, кофе и пять минут тишины, – недовольно попросил Арсен, рассматривая документы.

Майор махнул рукой и девушка, оставив кофе, бесшумно покинула кабинет.

...

Прошло много времени, а Арсен все еще тщательно изучал документы и долго рассматривал фотографии. Шеф полиции не решался сесть за свой стол и присел на диван, словно гость он, а не Арсен, занявший его кресло.

– А эти люди, они не были знакомы до этого? – наконец заговорил Арсен.

– У нас мало информации, но мы не выявили каких-либо связей, – торопливо ответил майор, устав от затянувшегося молчания.

Арсену часто приходилось работать с полицейскими: он знал их работу, тяжести службы. Журналист старался наладить ровные, партнерские отношения – ему часто давали полезную информацию, а он их сильно не критиковал. И, пожалуй, этот шеф тоже не самый плохой человек, но ему, почему-то, захотелось повредничать.

– Здесь я вижу информацию только о десяти пропавших, но ведь исчезло больше?

– Мы так и не нашли информацию об одной из них, женщине лет шестидесяти.

– Странно, – протянул Арсен. – Я думал, вы лучше работаете.

Майор растерянно развел руки. Арсен опять уткнулся в бумаги, что-то недовольно пробурчав. Что же объединяло этих абсолютно разных людей? Может, они все члены секты, поклонники некоего культа?

В глазах зарябило, буквы задрожали перед глазами, Арсен почувствовал усталость.

– Я, пожалуй, поеду, отдохну с дороги, если позволите, – поднялся из-за стола Арсен. – Можно забрать материалы в гостиницу?

– Конечно! – вскочил с готовностью шеф. – Что насчет вечерней программы, Арсен?

Арсен не мог объяснить, почему ему не хочется встречаться вечером. Возможно, это было бы полезно для журналистского расследования о пропавших людей. А хорошая программа всегда сближает с людьми. Но он не собирался долго задерживаться здесь и послезавтра уже будет в городе. Так зачем ему «вечерние программы»?

– Это лишнее, майор. Спасибо вам, – и, увидев удрученное лицо шефа, попытался его подбодрить. – Мы можем пообедать завтра. А потом я куплю билет на вечерний поезд. Я не задержусь долго.

– А разве вы не поедете в рыбацкий поселок? Мы уже приготовили для вас машину.

– А зачем?

– Так там, на острове, исчезли эти люди. И там находится местный рыбак по кличке Капитан, который их отвозил на остров.

– Он живет на острове?

– Нет, он живет в рыбацком поселке, это недалеко от острова.

– Хм, – задумался на миг Арсен. – Впрочем, что мне расскажет этот Капитан?

– По правде говоря, ничего особенного. Мы его допрашивали. И все, что он сказал, записано в протоколе: он только отвез их на остров и больше не видел.

– А почему именно он отвозил?

– Видимо, договорились, местные иногда так подрабатывают, если приезжают археологи, маркшейдеры, геологи, туристы – там ведь много кто бывает.

– Вы знаете, майор, мне кажется, что вы проделали хорошую работу. И я могу написать свой материал, основываясь на ваших данных. У меня нет времени задерживаться здесь.

– Вы так быстро уезжаете? – попытался изобразить огорчение майор, но ему не удалось скрыть явного облегчения, которое отобразилось на его лице. Известный журналист, да еще специализирующийся на скандалах – это как заноза в пальце. И чем быстрее он уедет, тем легче им будет жить в своем привычном, провинциальном ритме.

– Не унывайте, майор, – усмехнулся Арсен. – У вас и так много работы, зачем возиться со мной?

Пожав на прощание его руку, изобразив на лице дружелюбие, Арсен покинул кабинет. В отличие от майора, он умел скрывать то, что у него внутри.

– Напыщенный павлин! – неприязненно процедил майор, как только Арсен вышел.

– Деревенщина, – презрительно пробормотал Арсен, выйдя в коридор.

Глава 4. Гостиница

Это было покатое одноэтажное здание, огороженное кованым металлическим забором. Гостиница стояла на окраине, а дальше простиралась степь с бесчисленными сопками и дюнами. В этой стороне городка ветер был особенно сильным и временами так вздымал песок, что часть его оставалась на волосах, одежде. Все жители ощущали: песок постоянно скрипел на зубах.

Арсен вошел во двор гостиницы. И тут же на крыльце появилась плотная женщина лет пятидесяти в накинутом на голову белом платке.

– Добро пожаловать! – приветливо улыбаясь, засеменила она к нему. – Давайте я вам помогу.

Она потянулась к его чемодану.

– Не нужно, я сам, – отстранил ее руку Арсен и выжидающе встал. Ему не понравилась гостиница: он представлял ее другой.

– А здесь нет других гостиниц? – спросил он, обернувшись к Макс.

– Это единственная работающая гостиница, – ответил Макс.

– И все приезжие останавливаются здесь?

– Не все, большинство снимают комнаты у частных домовладельцев, но там не так комфортно. А мы вам выбрали более или менее приличную гостиницу с удобствами.

– Вам понравится у нас, – засуетилась женщина. – Лучше у нас, чем у них. У нас и еда лучше.

– Благодарю, – попытался было улыбнуться Арсен, но получилась искривленная гримаса. И он, поставив чемодан на землю, прошел в дом.

В полутемной веранде, поверх наспех сколоченных досок, были разложены циновки. Хозяйка сняла обувь и прошла внутрь. Арсен, замешкавшись в прихожей, не стал разуваться и вошел в дом.

Из большой гостиной двери вели в комнаты. Женщина ключом открыла одну из них и пригласила гостя внутрь. Арсен, скептически оглядев гостиную, недоверчиво спросил:

– У вас хоть чистое белье есть?

– Обижаете! – оскорбилась хозяйка. – У нас ежедневная смена белья.

В комнате стояли кровать, стол, стул, небольшой шкаф, а в углу – телевизор.

– Хм, а телевизор работает?

– Конечно, у нас кабельные каналы. Местные и зарубежные! – гордо ответила хозяйка.

– Я вообще-то не смотрю телевизор, – сухо заметил Арсен, не зная, к чему придаться.

– Совсем не смотрите?

– У меня нет времени на эту глупость.

Он подошел к окну, которое выходило на песчаные дюны, где урчал бульдозер, вгрызаясь в песок. А чуть поодаль от него торчал остов сгнившего корабля.

– Когда-то здесь начинался пляж. И там, где стоит корабль, плескалось большое море.

– Вы застали море?

– Я была совсем маленькой. Поэтому и ощущения смутные. Помню порт, куда заплывали корабли. Помню шумные компании, которые устраивали пикники. Пляж был живым, многолюдным и... красивым.

– Море ушло внезапно?

– Одно лето мы купались в море, а на следующее – моря уже не было. Мы, малые дети, прибежали с игрушками на пустынный, ставший безжизненным пляж, потерявший привычную для нас с детства синеву. Это было очень тяжелое зрелище, и при каждом воспоминании в душе свербит, – вздохнула она. – Простите. Я не хотела бы говорить о море. Это всегда больно.

В комнату ворвался Макс с чемоданом.

– Я могу еще чем-то быть полезным, Арсен?

– На сегодня все, можете быть свободны.

– Но шеф сказал, чтобы вечером я привез вас на ужин. И вообще, – замялся он. – Приказано быть рядом с вами постоянно.

– Поблагодарите вашего шефа за доброту, – усмехнулся Арсен. – Но я не такая уж и важная птица, чтобы меня опекать. Я вечером пройду и сам поужинаю в городе. Не хочу утруждать вашего начальника и отнимать его вечер.

– Но для него это была бы высокая честь, – не унимался Макс. – Тем более, я мог бы сопроводить вас, вечером может быть небезопасно.

– О, не стоит беспокоиться, – нарочито вежливо поблагодарил Арсен. – Я умею гулять... в безопасности.

– Но... – замялся, было, Макс, не желая уходить.

– Никаких «но», дорогой Макс. На сегодня вы свободны. Возвращайтесь к себе.

– Есть, – отчеканил он. – До свидания, – лейтенант нехотя покинул комнату.

– Шеф полиции приставил за вами соглядатая, чтобы вы были в безопасности? – спросила хозяйка.

– Он не хочет, чтобы я совал нос в его хозяйство, – ухмыльнулся Арсен. – Но мне его хозяйство и не нужно. У меня свои цели.

– Что же я стою, вот глупая, – всплеснула руками хозяйка. – Там у меня чай кипит, еда греется. Вы пока обустройвайтесь, а я побегу.

– Не надо, я сыт, – попытался остановить ее Арсен, но женщины и след простыл.

...

Выстиранные простыни, чистое одеяло, тщательно протертая мебель, свежевывмытый пол – здесь пахло свежестью и немного штукатуркой.

Арсен довольно крякнул.

Его не учили чистоте, более того, в его семье условно относились к порядку. Скорей, это была забота женщины, мамы, которая с утра до вечера занималась уборкой.

Они жили бедно. Семейный бюджет, построенный на зарплате мастера завода, порой трещал по швам. Мама не работала, семья из пяти человек жила на скромный заработок отца. Но главное – семья жила не дружно. И постоянные скандалы были частью детства Арсена. Братья, уличные оболтусы, равнодушные к школе, издевались над ним, называя его чистюлей – «ботаном».

Арсен ненавидел отца, избегал братьев, именно с тех пор он на дух не переносил алкоголиков и хулиганов. Арсен, единственный, помогал матери по дому. Он был хорошим сыном матери, но плохим – отцу, который, наверное, хотел видеть в нем такого же забияку, как и он сам.

...

Комната наполнилась запахом домашней еды. Призывный аромат раздражил аппетит, и Арсен почувствовал острый голод. Выйдя в гостиную, он остановился и с интересом посмотрел на закрытые двери. Подходя к каждой из них, он потрогал дверные ручки. Все комнаты были закрыты. Он постучался в одну из них, но никто не ответил. Интересно, почему гостиница пустая?

– Идите сюда, – послышался голос хозяйки.

Выйдя на веранду, он прошел в кухню, где возле плиты возилась хозяйка.

– Можете помыть руки там, – она показала на рукомойник.

Засучив рукава, он с удовольствием протянул руки под холодную струю воды. Помыв руки и лицо, немного смочив шею, он на миг уткнулся в душистое полотенце, вдохнув свежесть домашнего тепла. И зажмурился. Как много значит женщина в доме.

– Садитесь, – пригласила она.

На тарелках аккуратно разложены колбаса, сыр, немного зелени, помидоры. Тут же дымилась гора риса с мясом.

– Как вкусно пахнет, – улыбнулся Арсен. Равнодушный к еде, он ценил красиво накрытый дастархан. С детства он сервировал стол, научившись этому у своей матери, которая была из интеллигентной семьи.

– Надеюсь, вам понравится моя скромная стряпня, – хозяйка присела у дымящегося самовара, из трубы которого шел ароматный саксаульный дым.

– Почему в гостинице никого нет? – спросил Арсен, надкусив помидор.

– Строители уехали на плотину. Завтра должны вернуться. Вчера отбыла путешественница на велосипеде. На днях ждем гостей из Китая.

– И много бывает у вас людей?

– По-разному. Порой, гостиница полная, мест нет. А иногда – пустота. Гостиница – это же все-таки временное пристанище. Тут надолго не задерживаются. И бывают не только путешественники, но и те, кто ушел из семьи. Любовные парочки, а то и те, кому нужно скрывать свои отношения. Временами совершенно странные постояльцы.

– Например?

– Был мужчина, который снял две комнаты, но жил в одной. И вел себя так, словно в другой комнате находился еще кто-то.

– А вы никого не видели?

– Нет, вторая комната была абсолютно пустой. Но он каждое утро заходил туда и разговаривал с кем-то, которого называл Ол.

– Ол?

– Да, Ол. Некто невидимый, которого зовут Ол.

– Может быть, у него была шизофрения?

– Не знаю. Но как я поняла, этот Ол – он сам и есть, то есть его подсознание, с которым он вел долгие беседы. А порой даже ругался и злился на него. Сначала меня это пугало, а потом привыкла.

– Да, очень странный гость.

– Обычно все ищут море и приезжают ради него. А этот ни разу не вышел из гостиницы.

– А зачем искать море, если его нет?

– Всем хочется посмотреть на мертвое море. Не понимаю, зачем смотреть на мертвое море.

– Почему мертвое?

– По словам стариков, море умирает и воскрешается, – она налила в чашку чай. – Это древняя легенда, согласно которой у моря есть свой цикл. Когда море засыпает, оно забирает старый народ, а просыпаясь, дарит земле новых людей, обновленных и лучших. И этот обновленный народ рождает здоровое потомство. И так происходит раз в десять тысяч лет.

– Что-то типа Всемирного Потопа?

– Наверное. При потопе много воды. А у нас вода совсем исчезает.

– Очень вкусно, – похвалил Арсен.

– Спасибо, – зарделась хозяйка. – Старалась.

– Это замечательно, ведь сейчас так не хватает блюд, приготовленных с душой.

– Кушайте, кушайте, у нас и еда и люди душевные, – придвинула она тарелки. – А вы, говорят, известный журналист?

– Кто же такое говорит? – усмехнулся Арсен, подув на горячий чай. – Люди не всегда говорят правду.

– У нас маленький город и слухи быстро распространяются. Новый человек всегда на виду.

Она помяла в руках салфетку и немного помолчав, спросила:

– Это правда, что вы приехали искать пропавших людей?

– Да, правда, – ответил Арсен, насторожившись. – А что вы слышали о них?

– Ну, особо и не слышала ничего.

– Они не останавливались у вас в гостинице?

– Нет. Они сразу уехали в рыбацкий поселок на север.

– Почему они все туда уезжали? – задумчиво помешал ложкой чай Арсен. – Что же всех их туда тянуло? Что это за поселок? Там есть рыбаки?

– Там осталась часть моря. А раньше был большой промысел. Приезжали целые артели со всех городов. Рыбы было так много, что не успевали ловить. А если ловили, то не успевали перерабатывать. В нашем городе было несколько рыбных заводов. Да и город тогда был намного больше.

– А поселок?

– Поселок тоже был большим. Туда даже летал самолет. Небольшой. Старый. Но как ушло море, ушли и люди. А рыбаки разбрелись по другим морям и озерам.

– А кто же там рыбачит?

– Осталась лишь одна артель.

Женщина совсем не притронулась к еде.

– Ешьте. Давайте еще, – предложила она добавки.

– Нет! Спасибо! Я наелся, – отказался Арсен и, встав, неловко поцеловал руку хозяйки. – Еще раз благодарю за такой вкусный обед. А я, пожалуй, пойду поработаю.

Смущенная женщина удивленно посмотрела вслед гостю, застыв от неожиданности. Ей никто не целовал руки.

В этих краях мужчины слишком суровы.

Глава 5. Театральная постановка

Когда-то ему самому хотелось держать гостиницу. А кто его знает, может, выйдя на пенсию, он и купит гостиницу. Таковую же уютную, как в фильме «Четыре комнаты»⁶. И будет у него помощником нерасторопный, но забавный посыльный Тед. Зато не будет скучно на старости лет. Приятные мысли расслабили, ему немедленно захотелось прилечь и помечтать.

Он сонно посмотрел на заполнившие стол материалы. Первым в прозрачном файле лежал профиль некоего Алена Ж, программиста из города Н. По-детски пухлое, добродушное лицо смотрело на Арсена с фотокарточки. И зачем тебе, Алену, нужно было исчезать? И зачем ему, Арсену, искать тех, кто захотел исчезнуть?

Мысли стали путаться.

Арсен улегся на постель и сразу же задремал. Ветер на улице усилился и яростно стал бить в окно, оставляя желто-белые блики на стекле. Но Арсен уже крепко спал, уткнувшись лицом в подушку.

Группа шла к сопке, на которой белела баинья, сложенная из костей.

Внезапный смерч прошел сквозь строй людей, взлохматив их волосы и растрепав одежды.

Изможденные, грязные, они падали от усталости, но все равно поднимались и упорно брели к сопке.

– Ээй, – пытался привлечь их внимание Арсен. – Людиши!

Но никто не откликнулся.

Утопая в песке, он побегал вперед и встал перед ними.

Но они молча обходили его и шли дальше.

Арсен стал хватать каждого за руки.

Но они молча вырывали свои руки и как заколдованные продолжали свой путь.

Арсен пытался заглянуть им в глаза, поймать хоть чей-то взгляд.

Но в пустых безжизненных глазах отражалась только белеющая баинья.

– Куда вы все идете? – в отчаянии взмолился Арсен. – Ответьте мне, пожалуйста. Хоть кто-нибудь.

Последним шел полный парень. Ален?

– Ален! Ален! – стал тормошить его Арсен. – Куда вы идете?

Но Ален равнодушно прошел мимо...

Он спал недолго и проснулся в холодном поту. Уже темнело. На мобильном телефоне увидел много сообщений и неотвеченных звонков.

Десять раз звонил шеф. Что же там случилось? Впрочем, шеф был занудой и по существу пустяку мог звонить много раз. Истеричный зануда. Также были сообщения от его друга. Арсен не стал никому перезванивать. Поднялся с кровати и вышел из комнаты. В коридоре столкнулся с хозяйкой. Она переделалась в новое платье, нарядилась и предстала более привлека-

⁶ «Четыре комнаты» (англ. Four Rooms) – художественный фильм, состоящий из четырёх эпизодов, происходящих примерно в одно время, снятых разными режиссёрами и объединённых общим героем – портье Тедом (Тим Рот).

тельной и даже интригующей, нежели днем, когда выглядела по-бытовому невзрачной хозяйской постоя.

– А я как раз хотела разбудить вас, – улыбнулась она и ямочки заиграли на ее щеках. – Я приготовила чай.

– Вы так добры, – улыбнулся в ответ Арсен, отметив про себя изменения в женщине. – Я лучше пройду по городу.

– Только не кушайте в городе, – обиженно насупилась хозяйка. – Я не доверяю кухне этих забегаловок. То масло у них испорченное, то продукты не свежие. Как бы не отравились. Как вернетесь, разбудите меня. Я вам согрею ужин.

– Договорились, – Арсен благодарно сжал пухлую ручку женщины. – Я не могу кушать где попало. Я буду есть только у вас.

– Обещаете? – Обрадовалась хозяйка.

– Обещаю, – он прижал ее ладонь к сердцу.

– И не гуляйте до поздна.

– А что, разве здесь опасно?

– Знаете, ночью везде бывает опасно.

– Днем не менее опасней, – усмехнулся Арсен. – Не беспокойтесь, я умею защищаться. Тем более, у меня личный телефон шефа полиции, – успокоил он заботливую хозяйку.

...

Ветер к вечеру утих, но на улице было прохладно. Зажглись фонари, но они стояли так редко, что до ближайшего столба Арсену пришлось пройти метров триста. Старые лампы, висевшие на деревянных столбах, служили уличным освещением. Неасфальтированные улочки, полные колдобин и выбоин, в темноте осложняли прогулку. Но на центральной улице уже горели большие, яркие фонари. И на улицах появилось больше людей. На лавочках сидели старики и, подслеповато шурясь, разглядывали каждого проходящего. А в темной части улиц, под деревьями и между домами, группами стояли парни, провожая взглядами и свистом девушек. А те, демонстративно игнорируя их, стайкой прогуливались по центральной, самой освещенной стороне улицы, болтая о чем-то своем.

Ночью город выглядел таинственно, но более пленительно, нежели днем.словно умелый художник, ночь притенила ряд шероховатостей, убрала выпирающие угловатости и нанесла плавные линии, которые выгодно осветил ночной свет.

Девушки бросали на Арсена заинтересованные взгляды, ведь он отличался от местных высоким ростом, бледностью и длинными волосами, что было несвойственно для коренастых, загорелых местных мужчин с короткими стрижками. Арсен улыбнулся девушкам. Те почему-то прыснули от смеха и, оглядываясь на него, зашептались между собой. Здесь все-таки живут разные люди. И не только старики, как утверждал Макс.

Около памятника всаднику резвились мальчишки. А рядом на плакате было написано: «Береги свой народ. Ибо в нем твоя сила». Справа светилось огнями здание. Подойдя к большой афише возле него, Арсен прочитал объявление:

«Художественный театр им. М. представляет спектакль по мотивам произведения Ч. Айтматова «И дольше века длится день».

Арсен помнил это произведение смутно. В памяти всплывали фрагменты, отдельные названия, станция Торетам⁷, что возле космодрома Байконур, буранный полустанок и слово «манкурт»⁸, которым так часто его называли.

⁷ Торетам (ранее Тюра-Там, каз. Төретам) – посёлок в Кармакшинском районе Кызылординской области Казахстана. Административный центр и единственный населённый пункт Торетамского сельского округа.

⁸ Манкурт – согласно роману Чингиза Айтматова «Буранный полустанок» («И дольше века длится день»), взятый в плен человек, превращённый в бездушное рабское создание, полностью подчинённое хозяину и не помнящее ничего из предыдущей жизни.

Арсен решил купить билет, в конце концов, заняться особо нечем, да и полезно будет освежить в памяти этот роман. В фойе театра степенно прогуливались нарядно одетые зрители, которые с первым звонком ринулись в зал. Билеты продавались без указания места, и поэтому все спешили занять первые ряды. Арсен, чуть переждав суетолюку, уселся позади.

В зале погас свет. Прошло несколько минут, но на сцене никто не появился. Зрители, потеряв терпение, стали хлопать. Захлопал и Арсен.

На сцену вышел конферансье в бабочке. Манерно поклонившись, он выждал паузу и громким, хорошо поставленным голосом объявил:

– Уважаемые гости. Спасибо вам за то, что вы пришли. Сегодня наш театр представляет спектакль «И дольше века длится день» по мотивам известного произведения великого писателя. Но мы отошли от оригинального сюжета и представим свою, альтернативную версию произведения.

Занавес стал раздвигаться, а ведущий, поклонившись, ушел.

На сцене сидел мужчина в шляпе, одетый в потертые, замасленные брюки и пиджак с заплатами. Немного посидев, он встал и медленно подошел к краю сцены. Выразительно взглянув в зал, он громко воскликнул:

– Зачем нам век, если он стал короче счастливого дня? Зачем нам день, если он стал длиннее нашей жизни?

Зал замер.

Мужчина ушел вглубь сцены, походил в тени и опять вернулся под свет рамп.

– Время! О, время! Верни же то, что ты забрало у меня. Я молю тебя, о бессердечный дух потерянных минут.

– А были ли твои минуты счастливыми? – спросил вышедший на сцену мужчина в форме железнодорожника.

– О, да! – с надрывом, театрально, разрыдался мужчина в шляпе. – За эти минуты я готов был отдать свою жизнь.

Шляпа явно переигрывала. На фоне спокойного, невозмутимого железнодорожника контраст был очевиден.

– Зачем ты пришел, Дух Бесконечных Железных Дорог? – спросил главный герой.

– Я пришел, чтобы рассчитаться.

– Так в чем же наш расчет?

– Я хочу вернуть тебе время, что ты потратил в дороге, на поезде.

– Но это не были мои самые лучшие минуты, ведь поезда – это клоака убитых часов.

– Напрасно ты так возмущаешься, потерявший время, – возразил железнодорожник и уселся на стул. – Поезда позволяют нам быть честными с самим собой. Но вы, бесславные путники, словно моты, пытаетесь растратить это драгоценное время.

– И чем я должен тебе оплатить, о расчетливый дух вагонов?

– Временем, – оживился железнодорожник, – потраченным в автобусах.

На сцену вышел мужчина в форме водителя автобуса.

– Разве ты был несчастлив в автобусе, Путник?

– Как можно быть счастливым в автобусах? – возразил мужчина.

– Так же, как и везде, Путник. Не важно, где ты, а важно, как ты проводишь минуты.

Внезапно на сцене появился пухлый мужчина в квадратном наряде, напоминающим то ли экран телевизора, то ли монитор компьютера.

– Мы весело проводим время, Человек, – радостно закричал пухлячок. – Разве ты был печален со мной? Это ведь самые лучшие часы в твоей жизни.

Мужчина грустно посмотрел на него.

– Я пытался убить время в автобусах так же, как и в поезде, – вздохнул он и, склонив голову, добавил. – Я пытался убить время везде. Я предатель времени. Я манкурт, забывший истинное назначение минут.

– Потому что ты боишься меня, – громко вступил в диалог еще один актер в белой накидке с большими часами в руках.

– Тик так! Тик так! – повернулся он к зрителям. – Время неумолимо. И оно ласково только с теми, кто уважает минуты.

На сцену выскочила девушка:

– Любимый! – бросилась она к мужчине.

– Любимая! – он крепко обнял ее. – Я хочу вернуть потраченное время, даже ради нескольких минут. Даже ради секунд.

– Но расчет будет неверным, любимый!

– Расчет всегда верен, – громогласно возразил Дух Времени. – Ведь время возле любимых летит быстро, а в поездах и автобусах – медленно.

Шаркая ногами, из темноты приковылял сторбленный старик с посохом в руках.

– Сынок! – обратился он к мужчине. – Время – это всего лишь мысли. Твои мысли не принадлежат тебе. Их носит ветер хаоса. Успокой их, приласкай – ведь они твои. Будущее бесстрастно к настоящему. И только тебе принадлежит все. Временем не торгуют. Временем живут. Поторопись, сынок.

Дунг! Дунг! Дунг!

Прозвучал гонг, отсчитывая время.

На сцене остался лишь главный герой.

– О, люди! Так ли мы счастливы в своих мыслях? Так ли мы счастливы в своей любви? Так ли мы счастливы в своем времени?

Он упал на колени и зарыдал. Мужчина хотел подняться, но споткнулся и громко упал на деревянный пол, бессвязно ругаясь.

– Ооооо!!! – закричал он. – Мы постоянно отстаем от хода времени. И замолчал.

...Прошло еще несколько минут.

Но мужчина не торопился вставать, и до зрителей донеслись звуки храпа.

То ли это было по сценарию, то ли актер действительно заснул.

– Да он же пьян! – возмутился зритель со среднего ряда.

Зал зашумел.

– Он пьян! – зашептались в зале.

– Да и спектакль поставлен не по книге. Они извратили великое произведение, сволочи, – недовольно загудел бас с правого ряда.

– Позор! – снова крикнул тот же голос.

И уже весь зал скандировал:

– Позор! Позор!

Занавес стал было закрываться, но что-то заклинило и обе половинки полотен остановились. На сцену выбежал рабочий и энергично стал дергать занавес, пытаясь закрыть спящего актера. Но у него ничего не получалось. Недалеко от Арсена присела запыхавшаяся опаздавшая девушка.

– Извините, – прошептала она.

– Ничего страшного, – ответил Арсен, решив, что она обращается к нему.

Он стал ее разглядывать: лет тридцати, с длинными светлыми волосами, стройная, достаточно привлекательная, насколько можно было увидеть в темноте. Она была в нарядном шелковом платье, подчеркивающим ее фигуру. Так обычно одеты подружки невесты на свадьбе.

– Что там происходит? – удивленно спросила она.

– Актер пьян, заснул на сцене.

– Как интересно! – воскликнула она.

– Интересней, чем сам спектакль.

А между тем спавший актер проснулся от шума и с помощью рабочего поднялся на ноги. Он подошел к краю сцены и посмотрел на зрителей ословелыми, ничего не понимающими глазами:

– Кто вы? И где, черт вас возьми, я нахожусь?

– Пусть черт сам тебя к себе возьмет, – еще больше разозлились зрители.

Зал опять разразился проклятиями.

– Во всем виновато правительство. Распустили этих артистов. Совсем от рук отбились, – вопил, вскочив со своего места, мужчина в очках.

– Пусть вернут наши деньги! Долой этот театр!

...

– Вы раньше смотрели этот спектакль? – приглушенно спросил Арсен.

– Нет, но люди хвалят эту труппу, – повернулась к нему девушка и при свете он рассмотрел ее карие, с зеленым оттенком, глаза.

Арсен бы тоже похвалил игру этой труппы. Особенно, финальный аккорд.

Браво!

Ведь актер показал им время, потраченное на алкоголь, почему же люди возмущаются? Наконец, актер, шатаясь, покинул сцену, а ему в спину неслись ругательства.

– Браво! – захлопал Арсен. – Прекрасная игра!

Впрочем, Арсен не был знатоком театра, относился к нему равнодушно, редко ходил на премьеры. А поддержал труппу скорее из чувства противоречия, нежели от восхищения.

Девушка улыбнулась и тоже стала аплодировать, хотя и не понимала происходящего. Временами она поглядывала на свои маленькие позолоченные ручные часики с миниатюрным циферблатом. Точно такие когда-то носила мама Арсена, ведь тогда они были модные. Может быть, мода вернулась и эти часики опять популярны? С появлением различных гаджетов часы стали атрибутом костюма, а не надобностью. Но эта девушка носила часы на руке. Аккуратная прическа, платье-футляр, ожерелье крупного жемчуга – она выглядела не современно, а скорее, неким анахронизмом, словно она была путешественницей во времени и заглянула сюда из 60-х годов прошлого века.

А тем временем на сцену вывалилась вся труппа. Но среди актеров не было мужчины в шляпе.

– БРАВО! – опять захлопала девушка.

Остальные зрители встретили артистов жидкими аплодисментами и, возмущаясь, стали покидать зал. Девушка тоже поднялась.

– Ничего не успела посмотреть. Жаль, – расстроилась она.

– Может быть, я вас провожу и по пути расскажу все действие? – предложил Арсен.

– Если вы будете так любезны, – обрадовалась она. – Это будет интересно.

Они вышли из театра и пошли по заполненной зрителями центральной улице. Люди, не торопясь, медленно расходились, долго прощаясь, обнимаясь и желая друг другу спокойной ночи.

Арсен никогда не понимал долгих проводов, особенно в таком маленьком городке. Ведь они каждый день видят друг друга, так зачем нужен весь этот антураж сердечности? Некоторые из зрителей, не желая расставаться, заходили по пути в кафе, продолжали общение там.

– А вы не против пары бокальчиков вина? – предложил Арсен.

– Но ведь мы даже не знакомы!

– Меня зовут Арсен. А вас?

– Меня зовут Сулу.

– Красивое имя, как и вы сами, – улыбнулся он, хотя прозвучало это шаблонно. – Теперь мы знакомы и можем обсудить всю эту трагикомедию.

– Вам, как я поняла, спектакль понравился?

– Безумно понравился! Этот спектакль сделал мой день! Вернее, вечер.

Девушка недоверчиво посмотрела на него, но ничего не ответила.

Глава 6. Бар «День – Ночь»

Неоновая вывеска заведения изрядно потрескалась. По табло бежали разноцветные буквы. Буква «Д» то тухла, то опять загоралась, и временами название кафе читалось «ень – Ночь».

Они неторопливо поднялись на крыльцо, открыли тяжелую железную дверь коричневого цвета. От этой «коричневости» веяло чем-то недружелюбным. За дверью их встретил большой мрачный охранник, который неприветливо окинул Арсена с головы до ног, словно сканер прощупал его потенциал опасности и нехотя отошел в сторону, пропустив гостей внутрь.

– Здесь не всегда рады клиентам, – усмехнулся Арсен.

– Он на самом деле милый, работа у него такая. А днем он тренирует детей.

– О! Прямо, как я!

– Вы детский тренер?

– Когда-то приходилось подрабатывать. – Арсен повел девушку к дальнему свободному столу.

Это было небольшое помещение, встроенное в цоколь двухэтажного кирпичного здания. На танцполе, небольшом островке в центре зала, отплясывали ярко накрашенные девушки в коротких юбках. А за столиками сидели мужчины: приземистые, бронзовые, плотные – они с интересом разглядывали извивающихся девушек, временами потягивая из стаканов. Нарочито равнодушно, но в то же время внимательно они рассмотрели Арсена.

Тот отодвинул стул и предложил спутнице присесть.

– Спасибо, – поблагодарила она и села за пластмассовый стол.

– Так вас зовут Арсен? – медленно повторила она, словно пробуя новое имя на вкус. – Мужественно звучит. Необычно.

– Имя как имя, – равнодушно ответил Арсен. – Я бы предложил заменить имена цифрами.

– Как это?

– У каждого будет свой код. Например: я 797. А вы – 834.

– На планете семь миллиардов людей. Как будут звать, например, семимиллиардпервого?

– Ну, можно называть кодами с буквами или символами. G—763—H.

– Фу, – фыркнула Сулу. – Словно пароль на компьютере.

– Но имена-то часто повторяются. А так у каждого будет уникальный код.

– Лучше пусть повторяются, но зато красиво, – засмеялась она. – Не хочу быть роботом.

А то получится как в пророчествах: каждому будут даны цифры.

К ним подошла пышная официантка в черной юбке и белой блузке.

– Здравствуйте, – раскрыла она блокнот и приготовилась записывать. – Что будете заказывать?

– У вас есть местное пиво? – спросил Арсен.

– Да, мы сами варим пиво, – гордо ответила официантка, удивив Арсена.

– Отлично, мне, пожалуйста, кружку. А даме, – он взглянул на Сулу, – а даме вина.

– А давайте мне тоже пиво, – предложила Сулу. – От вина у меня голова болит.

– Что кушать будете? – уткнулась в блокнот официантка.

– Я ничего не хочу, – отказалась Сулу.

– А давайте поедим мясо, – предложил Арсен. – Жареное мясо. С овощами. Как вы на это смотрите?

– Я вообще-то не хочу кушать, посижу за компанию.

– Просто посидеть не получится, – и, повернувшись к официантке, сделал заказ. – Пожалуйста, нам две порции жареного мяса, две кружки пива и какие-нибудь салаты.

– Хорошо, – сухо ответила официантка и быстро ушла.

Плотный парень в обтянутой майке, из-под которой были видны внушительные мышцы, бесцеремонно разглядывал Арсена, который приветливо улыбнулся ему. Но парень продолжал смотреть неприязненно и, наклонившись к своему соседу, стал что-то шептать на ухо, показывая на него. Это выглядело очень невежливо.

«Здесь не любят улыбаться», – подумал Арсен. И произнес:

– Здесь люди сами по себе неприветливы или просто не любят чужаков?

– Да нет же, – посмотрела по сторонам Сулу и увидела того наглого парня. – Люди здесь мировые. Просто не привыкли улыбаться. А этот, – кивнула она в сторону крепыша. – Мой бывший ухажер.

– Ясно, – протянул Арсен. – Сильный парень.

– Спортсмен, но одни мускулы заменили другие, умственные.

У стойки бара невозмутимый бармен наливал в большие кружки пиво, отсчитывая покупателям сдачу. Временами он что-то перемешивал. Официантка принесла их заказ.

– Ну, давайте выпьем за наше знакомство. За милых людей этого города, – поднял кружку Арсен.

– А разве вы никогда не бывали в этом городе? – чокнулась с ним Сулу.

– Никогда прежде, – ответил Арсен и, отпив пиво, добавил. – Но этот город стоит посетить только из-за вас.

– Умеете вы делать комплименты, – покраснела девушка.

Быстрые ритмичные танцы сменились медленными. Знакомая мелодия, хит из далеких 80-х, когда была популярна итальянская песня. В те времена эти звуки заполнили город, неслись буквально из каждого окна: из радио, магнитофонов, проигрывателей и телевизоров. А как его мама обожала этот шлягер! Эх, вот было время чистых меломанов.

...А тем временем девушки на танцполе снизили темп и, обнявшись со своими кавалерами, медленно закружились под музыку.

– А можно вас пригласить на танец? – протянул руку Арсен.

– Почему бы и нет, – согласилась Сулу.

Они влились в круг танцующих.

– Чем вы занимаетесь? – спросила Сулу.

– Я? ...Я журналист, – неохотно ответил Арсен.

– О! Как интересно. То-то ваше лицо мне показалось знакомым. – Она слегка отстранилась от него и стала разглядывать его, словно только что увидела. Несмотря на внешнее изящество, она была по-мужски прямолинейной. – А что же занесло вас в наш город?

– Журналистское расследование. В вашем городе пропали люди. И никто их не может найти.

– На самом деле у нас и раньше пропадали люди. Просто именно эти почему-то получили резонанс.

– И раньше пропадали? – удивился Арсен. – Но почему? Что не так с этим городом?

– А никто не знает. Их же никто не находит.

– Невероятно! – Воскликнул он.

– Увы, люди давно привыкли. И быстро забывают. Вот даже я забыла, пока вы мне не напомнили.

Вдруг к ним развязно подошел тот крепыш в майке и встал рядом, сложив руки на груди. Он дерзко посмотрел на Арсена и нахальным тоном спросил:

– Не уступишь даму на танец?

Сулу мотнула головой, показывая свое несогласие.

– Она не хочет, – сказал Арсен как можно мягче и улыбнулся. Он не хотел конфликта и пытался разрядить обстановку улыбкой.

– Ты чё постоянно лыбишься? – вдруг разозлился здоровяк. – Смеешься надо мной?
– Что вы! Что вы! Я даже и не думал, – стал было оправдываться Арсен, но крепыша уже понесло.

– Ты вообще кто такой? – парень схватил его за грудки и задышал в лицо едким запахом лука. – Ты откуда такой появился? А?

– Колобок, прекрати! Зачем ты опять начинаешь? – встала между ними Сулу.

– Я не хочу проблем, Колобок, – пытался успокоить его Арсен.

– Колобок?! – от ярости глаза мужчины чуть не выскочили из орбит. – Ты кого назвал Колобком? Я Колобок для друзей. Но не для таких, как ты, муфлонов. – И сильно ткнул его в грудь кулаком.

Подошел охранник. Арсен с надеждой посмотрел на него, но тот приказал:

– Если будете драться, то идите на улицу. Здесь никаких драк!

Колобок схватил Арсена за шею и потащил к входу. На улице уже собрались зеваки. Соперники, каждый встав в стойку, закружились вокруг друг друга. Колобок сделал резкий выпад, но бывший боксер заметил это и, отпрыгнув, ударил по касательной в ухо.

– Ааа!!! – зарычал от ярости Колобок. – Ну, погоди, дохляк.

Совершив обманное движение, Колобок пытался ударить левой рукой, но Арсен преугадал это и ловко увернулся. От злости противник выругался. Колобок не был боксером. Он вообще, видимо, не был «ударником». Он двигался резко, но больше косолапо, словно борец. Да и низкий рост противника давал Арсену без труда держать его на дистанции.

– Прекратите! Прекратите! – кричала Сулу.

Но на нее никто не обращал внимания. Людям нужно было зрелище. Колобок, хищно оскалившись, бросился Арсену под ноги, но тот был наготове и легко увернулся. Но все же Арсен недооценил противника, это был обманный маневр, и неприятель одновременно сделал подсечку ногой.

Не ожидавший этого Арсен плюхнулся на землю, а Колобок быстро залез на него и стал осыпать оглушительными ударами. «А он не так глуп, однако», – подумал Арсен.

Арсен изворачивался, пытаясь выскользнуть из-под недруга, но тот крепко прижал его к земле всем телом. На мгновение Арсен потерял сознание, но быстро очнулся от истощающего визга. Сулу, впившись ногтями в бычью шею Колобка, яростно колотила каблуком по его голове. Борец в бешенстве зарычал и попытался сбросить ее со спины, запрыгав на месте. Арсен же, воспользовавшись моментом, вскочил на ноги и ударил Колобка в нос. Он сознательно целился в нос. Не самый эффективный удар с точки зрения вреда противнику, но очень функциональный. Именно такой удар разбивает нос в кровь и на время дезориентирует противника. Что дает временное преимущество.

Мужчина взвыл от злости и схватился за нос:

– Ах ты, сволочь!

– Бежим, – шепнул Арсен и, схватив Сулу за руку, побежал с ней прочь.

– Догнать! – заорал Колобок. Его друзья бросились за ними.

Они бежали по центральной улице, которая была уже пустынна: впереди только Сулу и Арсен, а на небольшом расстоянии от них – преследователи.

– Стой! Стой! – их топот слышался уже почти за спиной.

– Сюда, – крикнула Сулу и юркнула в темный проход.

Пробежав еще немного, они свернули налево и, продираясь через кустарник, пролезли через дыру в заборе.

– Где они? Куда они делись? – слышались голоса потерявших их преследователей.

Навстречу Арсену бросился огромный пес.

– Макбет! Лежать, – приказала Сулу и пес, узнав хозяйку, угодливо завилял хвостом.

– Макбет? – удивился Арсен, запыхавшись. – Впервые вижу собаку с такой кличкой.

– Это девочка, – объяснила Сулу.

Макбет насторожённо посмотрела на Арсена и зарычала.

– Это свой, Макбет, – погладила собаку Сулу.

Во дворе стоял бревенчатый дом.

«Библиотека» – выделялось на фасаде дома. Сулу открыла дверь ипустила Арсена внутрь. В этот момент появились преследователи и попытались зайти во двор, но Макбет, ошестинившись, набросилась на непрошенных гостей, порвав штанину одному из них. Они выскочили, грозясь из-за забора:

– Мы тебя найдем, сосунок! Ты не жилец! Тебе крышка!..

Они долго кричали. Макбет, не переставая, лаяла на них. И наконец, через час на улице стало тихо.

– Ушли? – встревоженно спросил Арсен.

– Может, да. А может, нет, – неопределенно ответила Сулу и добавила. – В любом случае мы здесь в безопасности. Макбет их не пропустит.

– Гав! Гав! – залаяла Макбет, словно подтверждая ее слова.

– Не будем рисковать, – сказала Сулу. – Переждем здесь.

– Хорошо, – не стал спорить Арсен. – Хотя мы могли бы вызвать полицию. Тем более, у меня есть телефон шефа полиции.

Сулу ступевалась, но все же четко проговорила:

– Здесь не принято вызывать полицию по таким пустякам. Здесь вообще не принято звать их.

– А где мы находимся?

– Библиотека имени Пушкина. Это мое место работы.

– Ты здесь работаешь? – незаметно хотел перейти на *ты* Арсен, но получилось искусственно и он почувствовал некую границу до «ты», которую они еще не перешли.

– Да, – ответила Сулу и, подойдя к Арсену, стала разглядывать его лицо при свете луны. – Ого, как вас изрисовали.

– Ничего. Заживет, – с бравадой ответил Арсен, хотя лицо здорово ныло.

– Да вы весь в крови. Пойдемте, я обработаю ваши раны.

Они прошли в большой зал и, боясь привлечь внимание хулиганов, всё же включили свет. Зал заставлен книжными стеллажами, на полках которых стояли старые и новые книги. И каждый ряд обозначен заглавной буквой.

– «Мастер и Маргарита», – прочитал Арсен название одной из книг. – Забавная книжка.

– Забавная? – возмутилась Сулу. – Да она великая.

– Не стал бы я говорить «великая» про книгу, – скептически усмехнулся Арсен. – Помню, в Москве проходил мимо Патриарших прудов. Там еще есть сквер Булгакова, правда, памятник так и не поставили...

– Вы были на Патриарших прудах? – воскликнула Сулу. – Вы счастливый человек. А я так мечтаю там побывать.

– Да что там смотреть-то? Я видел кучку странных людей, которые вслух читали отрывки из этого романа.

– Там, наверное, витает дух Булгакова. Ведь это знаковые места романа, где и происходило действие. В том городе происходит так много литературных историй. И я мечтаю там побывать.

– А сейчас там на каждом углу торговые ларьки, а литературой и не пахнет, – скривился Арсен, но, увидев расстроенное лицо девушки, поспешно добавил. – Впрочем, я надеюсь, мы с вами съездим туда и погуляем по э... по «литературным местам».

– Спасибо, – улыбнулась Сулу и, взяв спирт и вату, указала на стул. – Садитесь, сейчас я обработаю раны.

– Синяк будет отменный. Но ссадины быстро заживут, – и прикоснулась спиртовым тампоном к ране.

– Не впервой, – хотел улыбнуться Арсен, но вскрикнул.

– Потерпите, вы же мужчина.

– Да мы, мужчины, намного слабее вас, женщин, – и, посмотрев на ее ноги, спросил. – Вы босиком? А где же ваши туфли?

– Видимо, остались там. Ничего страшного. Куплю другие, – отмахнулась она.

– Простите, это из-за меня. Я вам обязательно куплю туфли. Прямо завтра. Вы только скажите, какие.

– Да бросьте. Я не хочу вас утруждать, – смутилась Сулу.

– Это мой долг. И я обижусь, если вы откажетесь. Какой у вас размер?

– Давайте поговорим об этом завтра. А сейчас просто поспим. Переночуем здесь. Я боюсь, что эти бездельники караулят нас. Я лягу в той комнате, там есть кресло. А вам постелю здесь. У меня есть раскладушка.

– Зачем вам здесь раскладушка? – удивился Арсен.

– Иногда приходится ночевать тут. Как раз после таких приключений, – пошутила она.

– А разве мы будем спать не в одной комнате?

– Что вы себе позволяете? – Возмутилась она. – Если мы сходили в кафе, то это еще ничего не значит.

– Вы неправильно меня поняли, – стал неуклюже оправдываться Арсен. – Я имел в виду – спать в одной комнате, но, конечно же, не в одной постели.

– Я смотрю, вы ловелас. Привыкли к доступным девушкам?

– Ну зачем же вы так? Я не хотел вас обидеть.

– Вы меня не обидели.

– Тогда я пошел к своей раскладушке. Это даже романтично: спать на раскладушке в книжном зале. Никогда не спал в библиотеке.

– Все приходится когда-то делать в первый раз. Ну, давайте спать. Утром рано вставать. Я останусь здесь. А вы с утра пойдете в гостиницу. Надеюсь, эти оболтусы разойдутся до утра. Но на всякий случай перестрахуюсь.

– Спасибо вам, Сулу. Вы чудо, – поблагодарил Арсен, раскладывая свою постель.

Сулу ничего не ответила, выключила свет и ушла в свою комнату.

Глава 7. Киносеанс

Арсен сидел на песке в пустом порту, где когда-то было море. Вдалеке стоял одинокий, уже изрядно поржавевший большой кран, словно черное чудовище, нависавшее над бездной, где когда-то была бухта. А рядом, на берегу, стояли корабли, бывшие некогда живыми, как и само море.

Вместо порта валялись остатки.

Остатки кораблей.

Остатки зданий, бывшие частью порта.

Остатки былой славы в виде большого памятника рыбаку, груды железа и досок, раскиданных по всему берегу. На сухом, белом от соли песке, лежал огромный якорь. Проходящие мимо коровы лениво обнюхивали ржавое нагромождение цепей, безжизненно лежавшее на дне бывшего моря.

Здесь все было бывшим: бывший порт, бывшие корабли, бывшие рыбаки.

И бывшая жизнь.

Невидимое, незримое, море присутствовало в памяти всех тех, кто когда-то видел его. Тех, у кого вместе с морем ушла молодость и, наверное, – лучшие годы.

Но за коровами шел пастух, мальчик, который не видел моря, не знал былого величия этого места. И все это было до него, в старину, не по-настоящему, в легендах. А настоящее – вот оно: соль и ветер, которые он глотает каждый день.

– Море не ушло полностью. Оно не покинуло нас навсегда, – старик с пакетом вдруг присел рядом с Арсеном. – Ведь у нас еще остались рыбаки на севере. Они молодые, у них вся жизнь впереди и у них другое море. А наше море уже ушло.

Перекасти-поле стремительно пробежалось по дну, устремившись вслед за мальчиком-пастухом. Северный ветер нес гнилой запах чего-то разлагающегося. Арсен брезгливо поморщился.

– Так пахнет умирающее море, – промолвил старик, заметив его гримасу. – Мы привыкли к этому запаху.

– Здесь когда-то был порт, – продолжал старик. – Большой порт. Сюда заходили корабли из других городов. О, какие это были корабли. Какой у них был тоннаж. Судна величественно заплывали в бухту и приветственно гудели. У каждого – свой ритуал захода в порт. Это был праздник, танец кораблей. А вечерами, вон в том здании, – старик показал на руины на берегу, – был знаменитый ресторан. Там работал прославленный повар Мачта, бывший моряк. На его знаменитое блюдо «Удача рыбака» слетались со всей округи. И каждый стремился отведать это блюдо, ведь оно увеличивало мужскую силу.

– А из чего готовили?

– Из икры сазана, водорослей, из яиц и трав, которые росли только в этих местах. Но дело даже не в ингредиентах, а в мастерстве повара.

– И никто больше не готовит это блюдо?

– Повар унес рецепт с собой. И готовить негде, да и не из чего, – вздохнул он. – Эх, время радости и разочарования. Как я сокрушался, когда возвращался без улова. А ведь сейчас я был бы счастлив просто плыть на своей лодке, пусть пустой, пусть без улова, но чувствуя Море и волны.

Арсену стало настолько грустно, что он несколько раз порывался уйти из заброшенного порта, от печального старика, от соли и ветра, которые здесь были везде.

И от запаха.

Но что-то держало его, что-то вводило его в транс, и перед глазами проходили ожившие картины: величественные корабли, кутящие моряки, шумные пляжи и наполнявшее это про-

странство море. И он продолжал сидеть, зачарованно смотря на тоскливую пустошь. Было что-то упоительное, даже эстетичное в этой тоске, которая полностью окутала его.

Возможно, это самое унылое место в мире, и, может, этим оно ...прекрасно?

...

Старик, просоленный, высохший и забытый, как и этот порт, молча погрузился в свои раздумья.

Старик и море.⁹ Но только моря у этого старика не было.

А его победы и поражения ушли вместе с тем морем, оставшись лишь в осколках памяти.

– А что случилось с тобой, парень? Ты дрался? – внезапно обратился к нему старик, прервав молчание.

– Дрался, – застеснялся Арсен, почувствовав себя неловко.

– Из-за женщины? – понимающе улыбнулся старик. – Все битвы из-за женщин!

– Да, из-за женщины.

– Великая честь драться из-за них. И не жалко ран. Жаль, что сегодня так мало дерутся из-за женщин. И вообще, мало дерутся. Измельчало поколение, – вздохнул старик. – А ведь я был знатным драчуном в порту. Меня звали «Бешеным». Иногда приходилось драться одному. Но я всегда выходил победителем, ведь я был очень сильным, сынок. Очень сильным. И почему сила дается только на время, не пойму.

– Может, потому, что сила не дает мудрости?

– Может быть, – согласился старик и тяжело поднялся. – Прощай, мой друг. Может быть, судьба еще сведет нас. А может быть, и нет. Самое главное, пусть память твоя будет полна, а не пуста.

И, опершись на сучковатую палку, старец побрел в город.

Зазвонил мобильный телефон.

Шеф!

Ему не хотелось разговаривать с ним, и он сбросил звонок.

Телефон опять зазвонил. Но это был другой номер.

– Алло, – ответил он.

– Арсен, это Макс, – отозвался голос. – Если вы хотите поехать завтра в рыбацкий поселок, то нужно выезжать рано. Машина будет у вас в шесть утра.

– Хорошо, Макс. Я буду готов.

– Майор приглашает вас сегодня на ужин.

– Передайте ему мою благодарность и извинения. Я буду сегодня занят.

– Вы сегодня встречаетесь с кем-то?

– Возможно, – неопределенно ответил Арсен. – Но это частная встреча.

– Я понял вас. Если что-нибудь понадобится, то мой телефон всегда включен.

– Спасибо, Макс.

– И звонил ваш главный редактор: он не может вас найти. У него срочная информация.

– Я свяжусь с ним.

Арсен поставил телефон на беззвучный режим, встал и вытянулся во весь рост, разминая затекшие конечности, и посмотрел в сторону городка. Он постепенно стал привыкать к запаху

⁹ «Старик и море» (англ. The Old Man and the Sea) – повесть американского писателя Эрнеста Хемингуэя, написанная в Бимини (Багамские острова) и вышедшая в 1952 году.

навоза, животных, душистой травы и соли. Отряхнувшись, еще раз оглянулся на порт и, вздохнув, неторопливо побрел в сторону города.

Тусклый, на первый взгляд, город имел, оказывается, и другие цвета. Например, синий.

Синими красками покрашены палисадники и углы домов. Синим цветом покрыты некоторые крыши и заборы. А в окнах – сплошь синие рамы. А некоторые умудрились покрасить синим даже печную трубу. Но это было исключением, чем правилом, ведь большинство труб сложены из желтого кирпича.

Но почему так много синего было в этом городке? Может быть, это тоска по морю, некогда окружавшему город?

Можно ли тосковать синим цветом?

Но дома! Белые, свежeweбеленные в центре и потрескавшиеся – на окраине, они радовали глаз и не напоминали о море. На узеньких улочках лежало мало асфальта, но больше песка. А когда редкие автомобили поднимали пыль, Арсен начинал чихать. Он свернул с улицы и пошел через большой, огороженный железной оградой парк с аккуратно подстриженным газоном, в центре которого стояли несколько бюстов. На входе висел распорядок работы парка. Арсен подошел ко вчерашнему театру, на фасаде которого вырисовывалось крупное: Дом Культуры «Маяк». Афишная стойка изобиловала анонсами фильмов, спектаклей, концертов, творческих вечеров и даже дискотек – культурная жизнь здесь была на удивление насыщенной.

Арсен купил два билета на фильм. До начала сеанса оставался час. Чтобы убить время, он стал рассматривать фотографии известных иностранных артистов, а также картины на стенах в фойе. На всех картинах красовался лес. И ни одного изображения степи или пустыни. Только в дальнем углу в некрасивой рамке висела картина, на которой босоногие люди копали лопатами соль.

В этот момент завибрировал поставленный на беззвучку мобильный телефон.

Шеф!

Он не отстанет, пока не дозвонится. Нужно ответить, чтобы назойливый редактор перестал надоедать звонками:

– Слушаю, шеф.

– Ты почему не берешь телефон? – Стал сразу же орать шеф. – Я уже второй день звоню тебе.

– Я работал, шеф. Что случилось?

– Что случилось? – сердито передразнил он. – В общем, задание отменяется, ты возвращаешься. Мы решили опубликовать твой материал. Но нужно его доработать.

– Наконец-то! – Обрадовался Арсен. – Но с чего ты вдруг поменял мнение?

– Не по телефону, – засекретничал шеф. – Расскажу, как приедешь.

– Но, шеф, дай мне один день. Не зря же я сюда приехал. Привезу отличный материал.

– Да зачем мне твой материал о никому не нужных людях, когда у меня тут такая информация о нужных людях и для нужных людей.

Несмотря на журналистское образование и педантичное отношение к текстам авторов, в разговоре шеф любил вставить в одно предложение несколько одинаковых слов, считая, что так и только так собеседник лучше поймет его.

– Но ведь я отдал материалы тебе. Зачем же я тогда нужен?

– Нужно немного доработать статью в интересах одного человека. Ты встретишься с ним, возьмешь еще факты, дадим материал в ближайший же номер на первую полосу. Все, как ты любишь, мой дорогой Арсен!

– Хорошо, шеф. Скоро выезжаю.

– Как можно быстрее, Арсен. Брось ты этот город и море к чертовой матери. Нас ждут великие дела, – заговорщицки зашептал шеф. – Срочно выезжай!

– Моря здесь нет, шеф. Тебя обманули.

– Ну и черт с ним, с этим морем, – выругался он и бросил трубу.

Арсен усмехнулся. Значит, появился новый заказчик и посулил большие деньги. Шеф любил деньги. Впрочем, кто их не любит.

Но шеф любил деньги особой, страстной любовью. Мир у него построен на деньгах. Слово стоило денег, услуга стоила денег, даже любовь стоила денег. И чем старше он становился, тем больше средств требовалось его молодым любовницам. А еще у него было несколько семей и много детей, и чтобы их прокормить, он хватался за любую возможность заработать.

Шеф был мастером цинизма и превратил это качество в искусство.

– Все имеет цену, Арсен, – назидательно учил он. – Если ты делаешь что-то бесплатно, значит, ты теряешь время. Запомни, деньги не имеют запаха, они имеют только цифры.

На самом деле, деньги имели запах, и Арсен различал купюры. Но шеф прав: какая разница, кто платит? Важно, что вообще платят. А в борделе монашек не бывает.

Она шла легкой, воздушной походкой, словно не было вчерашнего вечера и безумной погони. В коротком сарафане в горошек и в белых босоножках на голую ногу она выглядела летней, хотя на улице все еще дул холодный ветер. Удивительная женщина, умеющая сохранять красоту даже в таких нелегких условиях. Намного легче поддерживать красоту в мегаполисе, где столько салонов, нежели в провинции, да еще такой, где постоянно дуют соленые ветры.

– Привет, – попытался поцеловать девушку Арсен и невольно вдохнул ее терпкий, цветочный запах, такой притягательный.

– Здравствуйте, – уклонилась она от поцелуя и протянула руку для приветствия.

– Разве мы не на «ты»? – неловко пожал протянутую руку Арсен, про себя посетовав, что не купил цветы.

– Мы с вами знакомы меньше суток, – взглянула она на часы. – А точнее, двадцать часов.

– Как «ты», то есть вы... точны. Но ведь мы провели ночь вместе? – Игриво спросил Арсен.

– Не путайте, – укоризненно погрозила она пальчиком. – В разных комнатах, как соседи в гостинице.

– Ну, не буду спорить. Я все же буду на «ты». Уж прости за фамильярность.

– Ничего страшного, вам и по возрасту можно, – улыбнулась она.

– Ну почему нужно подчеркивать возраст? Разве я намного старше тебя? – Деланно обиделся Арсен и, слегка взяв ее за локоть, повел в зал. – Что же, пошли, Юная Леди. Кино уже начинается.

Людей было мало, небольшая группа девушек в середине зала и одинокий парень на первом ряду почему-то в солнцезащитных очках. Через несколько минут после начала сеанса зашла пара среднего возраста: полные, солидные, надменные. И чопорно, с демонстративным пренебрежением к окружающим, важно уселись на первый ряд.

– Мэр города с супругой, – шепнула Сулу.

Парень в солнцезащитных очках, увидев их, быстро перебежал на другой ряд. В середине сеанса зашла группа подростков с попкорном, напитками и в зале стало шумно: смех, постоянные комментарии слышались со всех сторон. Зрители недовольно поглядывали на них, а супруга мэра строго цыкнула, после чего подростки притихли.

– Вот поэтому я ненавижу попкорн, – мрачно изрек Арсен.

– Почему же? – удивилась Сулу.

– Потому что это отвлекает от фильма, который нужно смотреть, а не жевать. Раньше просмотр фильма – это целый ритуал, как поход в театр. Ведь в театре никто не жует?

– Ну, театр – это храм искусства, там нельзя жевать.

– Но чем кинозал отличается от театра? Разве кино – это не искусство, а кинотеатр – не храм искусства? Так почему в одном можно, а в другом нельзя?

– Потому что в театре на сцене играют живые люди. А кино – это всего лишь показ одной из тысячи копий.

– Но ведь эти копии оживают во время просмотра.

– Арсен, не ворчи, ты слишком серьезен, – погладив его руку, она незаметно перешла на «ты». – С попкорном ведь веселей смотреть. И любой, даже скучный фильм, можно, как говорится, прожевать.

– Этим-то и портится смысл просмотра. Мне кажется, это даже неуважение к фильму.

– Ты слишком утрируешь, Арсенчик, – она впервые произнесла его имя ласково. Неожиданно и приятно. – Это всего лишь фон. Разве дома ты не ешь перед телевизором?

– Никогда.

– А ведь я так мало знаю тебя. Где твой дом? И есть ли у тебя семья? Ты ничего не рассказываешь о себе.

Арсен замолчал. Есть ли у него дом? На этот вопрос у него не было ответа.

Глава 8. Дорога на Море

Какое-то время ехали по большой трассе вдоль железнодорожного пути. Но через несколько километров пришлось свернуть с основной трассы, и дорога стала хуже. Водитель мастерски объезжал выбоины и колдобины, но иногда колеса залетали в яму, тогда и водитель и пассажир подпрыгивали на сиденьях.

Путь пролегал по пыльной степи, мимо развалин и заброшенных домов, среди которых временами белели кости животных. Обогнув соленое озеро, покрытое белой коркой, они поехали по узкой колейной дороге, по бокам которой росли чахлые кустарники, каким-то образом выжившие здесь, несмотря на сухой климат. Жизнь дала им маленький шанс, которым они максимально воспользовались: изо всех сил тянулись к солнцу.

Даже в этой безжизненности была жизнь.

Деловито сновали ящерицы, жирный сурок важно разглядывал их возле своей норы, на кустах весело щебетали маленькие юркие птички.

И верблюды, эти царственные обитатели пустыни, величественно вышагивали, словно на торжественном параде.

Пустыня и степь.

Трудно было их отличить.

И в степи пески мелкие, незначительные. В то время как в пустыне виднелась целая гряда из песчаных барханов. И когда путники проезжали пустыню, видели, как тяжелый вездеход увяз в песчаной трясине, буксуя, рыча двигателем.

Но временами пустыня великодушно предоставляла отдушину в виде оазисов, где среди деревьев вокруг небольших озер собирались на водопой птицы и животные.

А в небе парила, неторопливо кружась, большая черная птица, зорко выглядывая добычу, и временами устремляясь вниз.

– Черная птица, – указал на нее водитель. – Местный санитар.

– Она ест слабых и больных?

– Да. Как правило, это птицы и мыши, которые разносят инфекцию. Но если повезет, то иногда побалуется зайцами да ягнятами. Но чаще всего она питается падалью. Это не беркут, Черная птица слишком ленива, чтобы долго охотиться.

– Такое ощущение, что здесь нет ничего живого, – задумчиво произнес Арсен, разглядывая бескрайний горизонт.

Водитель усмехнулся и ничего не ответил, только включил автомагнитоу. И тут же раздалась ритмичная музыка, совершенно не вписываясь в окружающую их застывшую меланхолию.

«Пустыня безжизненна.

Она абсолютно враждебна людям. Всему человечеству.

Пустыня не несет никакой пользы людям. Почему люди живут в песках? Разве есть в этом смысл? Разве можно выживать в этой депрессивной действительности?

Или людям нравится быть частью этой унылой жизни? Может, в этом есть какое-то самопожертвование? Или мазохизм.

Вокруг тоскливо, и на душе становится тяжело.

Может быть, поэтому ушло море, потому что люди любят пески?».

– Вон там, видите белый мазар¹⁰? – отвлек его от мыслей водитель. – Он построен в честь святого, который обитал в этих местах. Его звали Пустынником. Говорят, он прожил сто двадцать лет.

– Он жил один? – Арсен, вглядываясь в белое строение, занесенное песком.

– Да, – ответил водитель, прочитав на ходу молитву и проведя ладонями по лицу. – Абсолютно один. Ни семьи, ни детей, полное одиночество.

– Поэтому, наверное, и прожил так долго.

«Жить одному трудно и в густом городе. Но в пустыне, без какой-либо связи с внешним миром?»

– Зачем человеку сто двадцать лет, если он собирается проводить их в голой пустыне?

– Не знаю, – покачал головой водитель. – Может, он был счастлив именно здесь?

– Я не представляю, как можно быть счастливым, живя тут.

– А я застал его.

– Ты ходил к нему в детстве? – Арсен ненавидел себя за фамильярное тыканье младшим по возрасту. Но говорить посередине пустыни «вы» водителю ему казалось нелепым.

– В детстве у меня была проблема, – немного покраснев, начал рассказывать водитель. – Недержание мочи. Каждую ночь мне снилось, что я подхожу к какому-то дереву и ...простите, писаю. А утром просыпался в мокрых простынях.

Водитель вытащил пачку сигарет и предложил Арсену:

– Хотите?

– Нет. Я лучше покурю свои, – полез в карман Арсен.

Достав сигарету, водитель прикусил фильтр и подкурил зажигалкой. Сделав несколько глубоких затяжек, он задумался, наверное, обдумывая, что можно говорить, а что – нет.

– Знаете, энурез – это страшное мучение. Я чувствовал себя изгоем: не мог поехать к родственникам, не мог ночевать где-то, помимо своего дома. Даже в летний детский лагерь не мог поехать, ведь под моими простынями всегда должна лежать клеенка, словно я маленький. Это было просто ужасно! Не помогали ни врачи, ни колдуны, ни лекари. И, отчаявшись, мама привезла меня к этому старику.

На очередном ухабе машину резко потрянуло и она чуть не слетела в кювет, но водитель ловко вывернул руль, разразившись длинным необычным матом. Выкинув окуроч, он приглушил звук магнитолы.

– Я давно разуверился во всем и уже не надеялся, что кто-то может меня вылечить. Но это была не только моя личная боль, но и мамина, ведь именно она неутомимо возила меня по всем врачам и знахарям. Мне было восемь лет, и я уже осознавал свой позор. И готов был ехать хоть куда, лишь бы избавиться от этого недуга.

...Мы ехали в кузове грузовика, старого, зеленого, чуть ли не времен войны. Приехали туда вечером, тогда машины ездили не так быстро. И что увидели? Группу людей из разных мест. А еще смотрим: старик ждет нас у входа в свое жилище. А во дворе в котле для нас варится мясо.

– Он знал о вашем приезде?

– В том-то и дело, что нет, – загадочно улыбнулся водитель. – Он сказал, что ему принесли весть птицы. Хочешь – верь, хочешь – не верь.

– И что же дальше? – нетерпеливо спросил Арсен.

¹⁰ Мазар – могила мусульманского «святого» (аулие). В первые века исламской истории поклонение каким-либо объектам считалось проявлением язычества.

– Мы заночевали, он не лечил вечерами, а только рано утром. Есть определенный час, когда молитвы имеют силу, – водитель покраснел. – Старик разбудил меня поутру, повел на холм, вытащил мое, простите, достоинство, подул на него, что-то пробормотал про себя. И сказал: «Никогда не держи слабости в голове. Отпускай их с первым ветром». Вот и все.

– Что все?

– С того дня мои простыни перестали быть мокрыми.

– Невероятно, – воскликнул Арсен, но сразу же недоверчиво заметил. – Похоже на сказку.

– Вы не верите в чудо?

– Я вообще не верю в то, что нельзя потрогать руками.

– Но он-то касался руками! – засмеялся водитель.

– Люди любят приукрашивать такие случаи.

– Но вот же я – очевидец этого случая. Даже нет, участник.

– Ну, – с недоверием протянул Арсен. – Ты мог вылечиться по другой, рациональной причине. Психологический шок, гипноз, самовнушение. Эффект Плацебо, в конце концов.

– Но ведь много людей пытались меня вылечить. И не смогли. Тем более, я не поверил старику и вернулся с сомнением. Но с тех пор я не пролил ни капельки в постель.

– Все же это непонятно, – недоверчиво отвернулся Арсен. – А как он жил? На что? Как доставал то же мясо, которое вам сварил?

– А каждый, кто приезжал, привозил ему провизию. И мы захватили с собой продукты: мясо, чай, хлеб, консервы. Но всем этим он угощал гостей. А сам, говорят, питался кореньями.

– Какие коренья в пустыне? Боже мой, – саркастично рассмеялся Арсен.

– О, да вы ничего не знаете о пустыне, – снисходительно заметил водитель.

– Не знаю, – согласился Арсен. – И, наверное, не хочу. Я вырос в городе. Я бы хотел, чтобы пустынь вообще не было.

– Так зачем же вы приехали сюда? В самый центр пустыни? – с удивлением посмотрел на него водитель.

– Я журналист. Я пишу о людях, которые здесь пропали. Это моя работа. Мой хлеб. И ради этого я полечу хоть на Марс.

– Ааа... это те самые. Ну, они ведь тоже почему-то приехали в пустыню?

– Вообще-то на море. И я приехал на море, которое почему-то тоже исчезло.

– Все когда-то и куда-то исчезает, – глубокомысленно изрек водитель.

– Вы все тут философы, я смотрю, – съязвил Арсен.

– В пустыне все философы. Пустыня сама является философом.

Арсен посмотрел на него, но ничего не сказал: а что еще делать в пустоте? Только упиваться бессмысленными раздумьями. Все философы были меланхолики, как и сама пустыня. Ладно, он пробудет здесь всего один день и сразу же уедет в город.

И больше он сюда никогда не приедет.

....

А длинная дорога, словно огромная змея, все тянулась и тянулась до бесконечного пустынного горизонта. И не было этой дороге ни конца, ни края.

Глава 9. Дом Хромого Капитана

Сухой пустынный воздух изменился, став более гумидным, влажным. Дышать стало легче. Ландшафт незаметно становился иным. Все меньше песков, и больше зелени и живности, и все чаще попадались пасущиеся стада. И вдалеке, сливаясь с синевой неба, показался край моря, раскинувшегося по всей длине горизонта. Подъехав ближе к морю, внедорожник двигался вдоль высокого косогора, за которым раскинулся залив, рядом с которым белело небольшое поселение.

– Вот она, столица рыбаков, – ухмыльнулся водитель. – Здесь есть остаток мечты: рыба и рыбаки. И то, что они называют морем, хотя оно сейчас не больше озера.

С середины залива плыл к берегу рыбацкий баркас.

– Вон, улов уже есть, – кивнул на лодку водитель. – Давно не ел хорошей рыбы. Может, удастся отведать.

Въехали в поселок, машина остановилась, водитель спросил у проходившего мальчика:

– Где тут Хромой Капитан?

Загорелый мальчишка восхищенно посмотрел на внедорожник, потрогал колеса, поцокал языком и только после этого показал рукой:

– Поедете в ту сторону, увидите в конце улицы дом без забора. Там живет Хромой Капитан.

В поселке некоторые дома, врытые в землю, утопали в песке почти по самые окна, точно полуземлянки. Да и окон-то толком не было: крошечные дырки, где вместо стекол – пленка. Здесь не было асфальтированной дороги, а колея, по которой они приехали, переходила в центральную улицу.

У Хромого Капитана было, наверное, самое худшее жилище, так как домом это назвать сложно. Слегка возвышающаяся над землей прокопченная землянка, на крыше которой вместо печной трубы болтался на ветру кривой ржавый обрубок, а окна-щели были закрыты тряпкой.

Ни забора, ни, соответственно, ворот. Хотя для живущих на земле именно двор является определенным показателем статуса, а также права на свою огороженную территорию. Справа от дома лежала небольшая куча жынгыла¹¹. А слева валялась перевернутая лодка, словно собака, привязанная к колышку. Рядом брошенные весла и рыболовная сеть, а на бельевой веревке сушились штаны и куртка.

...Согнувшись, путники вошли в низкий дом, внутри которого было темно и сыро. Пахло чем-то прокисшим. Вся землянка состояла из одной комнаты, которая служила, видимо, и гостиной и спальней. А в углу, в ворохе тряпья, спал человек.

– Есть дома кто-нибудь? – громко спросил водитель, пытаясь разбудить его.

Из-под тряпья, побряхтывая, показался помятый взъерошенный старик. Он зло посмотрел на вошедших людей и спросил:

– Что надо?

– Можно войти? – спросил водитель.

– Вы уже вошли, – проворчал старик.

Его лицо покрывала густая сеть морщин, а седая борода была жидкой и спутанной. На правой щеке краснел огромный шрам, который делал выражение лица зловещим.

– Да мы тут вам гостинцев привезли. Чтобы вы промочили горло, – засуетился водитель и вытащил из сумки бутылку водки. – Подарок от вашего друга Рябого.

– А, старый хулиган еще жив? – оживился Капитан и, быстро схватив бутылку, встряхнул ее. – Хороша! – Радостно воскликнул он.

¹¹ Жынгол – Тамариск. Используется вместо дров.

Он быстро открыл бутылку, отпил из нее, довольно крякнул и, подобрев, улыбнулся:

– Ну, что стоите. Проходите, садитесь, – указал он на низенький столик.

Он поставил бутылку на стол, взял с полки засохший хлеб, вяленую рыбу, лук и стаканы.

– Старухи у меня нет. Живу один, поэтому, не обессудьте.

Арсен, брезгливо поморщившись, обреченно вздохнул и осторожно присел за стол. Запах перегара, лука и рыбы, немытого тела и залежавшегося белья создавали в помещении настолько плотный, невыносимый аромат, что Арсену стало дурно. А Капитан тем временем весело суетился возле стола и уже разливал водку в стаканы.

– Мне нельзя, – водитель даже не присел за стол. – Если позволишь, Капитан, я поеду. У меня еще много дел. Мне нужно забрать почту и документы.

– Ну, давай, – даже не расстроился Капитан. – Нам же больше достанется.

Он вылил из третьего стакана водку в другие два и, протянув другой Арсену, торжественно произнес:

– Новый день мне принес нового друга! Так выпьем же за Дни, которые приносят друзей!

Они подняли стаканы, и Арсен залпом влил в себя огненную жидкость. Водка обожгла пустой желудок, но закусывать тем, что было разложено на столе, он не решился. Какая гадость все-таки водка, но зато тошнота немного отпустила. И теперь он сидел оглушенный и расслабленный.

– Между первой и второй – перерывчик небольшой, – стал разливать опять старик. – Вторую мы пьем за тех, кто в море.

– А давай, – вдруг повеселев, согласился Арсен и живо хлопнул из стакана, постепенно сливаясь с беспорядком и смрадом, окружающим их.

– А почему *Капитан*? Почему вас так называют? – Слегка зажмурившись от внезапного коктейля резких ощущений, спросил Арсен.

– Ааа, старая история, – махнул рукой старик, снова разлив по стаканам водку. – Когда-то я был капитаном судна. Водил корабли на Черном, Балтийском, Каспийском морях. И вот судьба занесла меня на это море, которое оказалось для меня последним.

Капитан хрустнул луком, пожевал и, сглотив кусок, вытащил из кармана куртки папиросы.

– Будешь? – протянул он Арсену.

– Давайте, – почему-то ему захотелось попробовать папиросы. – Если уж жестко пить, то и жестко курить.

– У меня были разные ребята и отличные корабли, – затаился он зловонным горлодером. – И даже здесь я плавал на большом пароходе, «Южный» назывался – пятнадцать метров длины, представляешь. На нем возили пассажиров. Иногда – грузы. А когда-то мой пароход воевал. Так что он не просто пароход, а боевой корабль, герой.

Капитан потушил папироску в пустой стакан.

– А где сейчас ваш корабль?

– Да где же ему быть, – неохотно ответил старик. – Гниет на берегу. Ржавый, истлевающий лом.

– Жаль, – грустно прошептал Арсен.

– Да нет, – вдруг встрепенулся старик. – Даже хорошо, что так. Мне было бы обидно, если бы на нем плавал другой, молодой капитан. А так не очень досадно. Я ведь вредный и завистливый.

Он зло засмеялся.

– Значит, там остались корабли завистливых капитанов?

– Аха... ммм, – пьяно икнул он. – Давай еще выпьем, парень. Ты-то зачем приехал сюда?

– А я ищу пропавших людей.

– Аааа, туристов что ли?

– Почему туристов? – удивился Арсен.

– Ну, те, которые пропали. Мы их туристами называем.

– Может, и туристы. Только тур у них какой-то странный. В никуда, – Арсен надкусил засохший хлеб. – Так вы видели их?

– Помню я этих чудаков, – старик окончательно захмелел. – Отвозил на остров.

Он закрыл глаза и вдруг сидя захрапел. Затем также резко проснулся и, уставившись на Арсена безумными глазами, долго не мог понять, кто перед ним. Наконец вспомнив его и сам разговор, спросил:

– Так ты хочешь, чтобы я тебя тоже отвез?

– Я хотел бы увидеть остров.

– У тебя есть деньги?

– А сколько тебе надо?

– Столько, сколько понадобится, – пробурчал Капитан. – А ты не боишься, что тоже исчезнешь? Ведь их так никто и не нашел.

– Нет, не боюсь, – с бравадой в голосе ответил Арсен, хотя почему-то стало страшно.

– Ладно, – хитро усмехнулся Капитан. – Тогда отплываем с утра.

– Так быстро?

– А чего тянуть? Это проклятый остров и всегда им был, и там нужно делать все быстро, – зевнул Капитан. – Ведь там живет только ветер да ...дьявол, – хмыкнул старик и завалился на бок.

– Какой дьявол, Капитан? – Арсен стал трясти его. – Какой еще дьявол?

Но заливаясь храпом, старик спал беспробудным сном праведника.

Глава 10. Мирия

На дне бутылки осталось совсем немного водки. А старик уже захмелел – несерьезная доза для бывалого моряка. Скорей всего, он в запое и сегодня они разбудили вчерашний бродящий алкоголь.

Спиртное ударило и в голову Арсена, чтобы развеять алкоголь, он вышел на стемневшую улицу. Но, несмотря на отсутствие фонарей, полной темени не было. Луна, отражаясь в море, освещала поселок достаточно ярко: можно различать лица людей.

На улицах было оживленно. Вдоль домов на лавочках что-то обсуждали старушки. Женщины помоложе встречали возвращавшийся с пастбищ скот, и тут же приступали доить коров, отовсюду неслись звуки ударяющейся об жестяное дно ведра белой струи. Детеныши в загонах жалобно звали матерей, нетерпеливо ожидая своей очереди. Мальчишки играли последнюю игру дня. А молодежь постарше только выходила на улицу: слышался девичий смех, звуки гитары, оживленные голоса – их время только начиналось.

Одни голоса менялись другими, и в этом круговороте незнакомых лиц, голосов и животных у Арсена закружилась голова. Она стала тяжелая, его мутило. Он не любил водку, которая всегда действовала на него угнетающе. Но еще больше не любил зловония и горькую выпил, чтобы заглушить запахи. Он покружил по поселку, но так и не нашел магазина, где хотел купить что-то съестное и вдруг оказался на берегу. Здесь было еще светлее: луна, словно огромный прожектор, заливала мягким светом все побережье, а близкие звезды маленькими точками, словно морские фонари, рассыпались по заливу. Море лениво раскачивало волны, пребывая в легкой ночной расслабленности. Издалека к берегу плыл огонек. Видимо, ночной рыбак, задержавшись на промысле, спешил домой. Арсен присел на берег.

Шшшшшш, шумели ласково волны, омывая ноги Арсена. Ему вдруг захотелось окунуться. И почему-то выпить. Выпить именно здесь, на берегу живописного ночного моря и неба, а не там, в душной землянке.

– Какая красота! – в сердцах воскликнул он, заморожено наслаждаясь видом моря. Шеф не обманул. Море все-таки здесь было, оно было волшебным и красиво именно своим диким естеством, а не туристической облагороженностью.

– Да, вы правы, оно красиво, – согласился чей-то голос. Прямо из воды к нему шел мужчина в набедренной повязке. Он отряхнулся от воды, провел руками по волосам и, обернувшись к морю, сказал:

– Не правда ли, ночью оно еще прекрасней!

Арсен удивленно посмотрел на ночного незнакомца:

– Вы любите купаться ночью?

– И днем, и ночью. Но ночью, конечно же, лучше.

– Я боюсь купаться ночью.

– Почему?

– Какой-то страх... с детства, мерещатся ночные чудовища да подводные существа.

– Даже если они есть, зачем их бояться?

– Как же? Они же могут утащить на дно. Утопить, в конце концов. Всякие русалки да водяные.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся незнакомец. – Да они скорей людей боятся, чем люди их.

Мужчина с длинными волнистыми волосами был высокого роста, атлетического телосложения, какие бывают у профессиональных пловцов.

– Вы давно занимаетесь плаванием?

Мужчина ничего не ответил, присел рядом с Арсеном и тоже стал рассматривать море.

– Здешние жители мало созерцают море так, как восхищаются женщиной, матерью, кормилицей, – сказал незнакомец. – В конце концов, как чудо и произведение искусства, море бывает разным. Его не только нужно видеть, но и слышать.

Мужчина вытянул длинные ноги и, повернувшись к Арсену, спросил:

– А вы, наверное, не местный?

– Да, не местный.

– Я так и понял. Местные не сидят одни на берегу, особенно по ночам.

У Арсена опять заболела голова, и он, схватившись за нее, невольно застонал:

– Чертова водка. Никак не отпускает.

– Голова болит?

– Да.

– А хотите, я вам подскажу, как снять боль?

– Хочу.

– Вставайте и следуйте за мной.

– Куда? – Недоуменно спросил Арсен.

– В море. Море – самый лучший лекарь.

– Но ведь холодно еще. Вдруг я простужусь, и мне станет хуже.

– Ах, это вечные человеческие страхи, – снисходительно улыбнулся пловец. – Боль только в вашем разуме. А на самом деле ее не существует.

– Скажете тоже, – проворчал Арсен. – Как ее нет, когда она есть?

– Просто прислушайтесь к себе. Что вы сейчас хотите?

– Чего я хочу? – растерянно переспросил Арсен. – Я хочу ...поесть, поспать, унять боль. Я не знаю – хочу все вместе.

– Вот в этом и дело, что вы не знаете, чего на самом деле хотите.

Арсену не нравился этот диалог. Так говорили различные коучи и ораторы-мотиваторы, когда хотели напустить тумана на очевидное. А он не любил их, как и саму мглу.

– Я хочу домой.

– Дом – это иллюзия, – продолжал непонятно рассуждать незнакомец. – Забудьте про желания и хотения. Просто прислушайтесь ко мне.

Пловец вошел по колено в море.

– Вперед, мой друг! Мужчины не стоят перед морем, они идут в него!

– Что за дурацкое выражение? – подумал Арсен, но послушно снял одежду и, зажмурившись, полез в море.

Неожиданно вода оказалось теплой. В море было теплее, чем на берегу. Вода мягко окутала Арсена.

– Эй! Вы где? – крикнул Арсен и нырнул под воду.

Перед ним проплыл пловец и призывно помахал рукой: ко мне! Ко мне! Арсен устремился за ним. Так они плыли долго, все время вниз, но дна не было видно. Страх отступил, боль притупилась. Арсен ощутил прилив сил и плыл так быстро, словно привыкшая к глубинам морская рыба. В какой-то момент он ощутил, что уже дышит в море, как рыба жабрами. И, почувствовав единение, слился с несуществующей рыбой в единую пульсацию. Плыл, словно так и должно быть, словно он вырос в море.

Где-то далеко внизу забрезжил свет, который увеличивался и становился ярче, освещая пространство розовым по краям и светло-фиолетовым посередине, переливающимся сиянием. Перед ними показался дворец в виде причудливой раковины с ярко освещенными окнами. Мужчины опустились на террасу дворца.

– Где мы? – удивленно спросил Арсен.

– Это Мирия.

– Мирия? Но что это за место?

– Место, куда уходят корабли и рыбаки. Место, где создается вибрация моря. Место, где рождаются волны.

Мужчины устремились к лестнице, которая вела к светящемуся окну.

– Сегодня у нас особый день. Мы создаем сияющую вибрацию волны равновеличия. И я собрал всех мирян.

– Как же вы создаете эээ... – Арсен не смог выговорить это выражение и решил сказать кратко. – Волну?

– Танцами, волшебными танцами. Ведь в танцах скрыта великая сила. А я – Ил, главный танцор Мирии.

– Я ничего не понимаю...

– Ты до сих пор не отключил разум и не включил сердце.

– Оно давно готово выскочить из груди, – схватился за сердце Арсен.

Ил снисходительно улыбнулся. Перед ними возникла русалка и подала два смокинга.

– Оденемся, мой друг. Мы все-таки идем на бал Величия!

Арсен старался ничему не удивляться, но все же долго смотрел вслед уплывшей русалке. Впрочем, он постепенно привыкал к тому, что так и должно быть: дышать водой, быть сухим на дне, идти по террасе раковины и получить смокинг от ...русалки?

– Вперед! Поторопись, нас уже ждут!

Они поднялись по лестнице и вошли в дверь, за которой оказался большой освещенный зал. Под потолком летали разноцветные светлячки, которые излучали то самое необычное сияние. А по залу в танце кружились пары, меняясь партнерами на каждом повороте. Увидев вошедших гостей, они остановились.

– Мирияне, сегодня важная ночь! – обратился к ним Ил. – И с нами человек из тверди, который внесет земной трепет в нашу великую миссию.

– Добро пожаловать, Человек Тверди! – Дружно поприветствовали его собравшиеся.

– Здравствуйте! Здравствуйте! – стал раскланиваться Арсен, смущенный таким вниманием. – Кто все эти люди? – шепотом спросил Арсен.

– Великие танцоры Волны!

– Они люди? Или ...не люди?

– В мире много того, чего не видите вы, твердяне. Вы разучились видеть, разучились слушать. Человек сошел бы с ума, если бы увидел всех тех, кто живет вместе с ним на Земле. Вы, словно твердь, застыли.

– Но... – хотел было спросить Арсен.

– Много вопросов искажают истину. Не спрашивай, а смотри, что ты получил в дар от Творца. И благодари, если сможешь увидеть, – и, повернувшись к танцорам, воскликнул:

– Мирия, Рошира, Токиверм!

– Мирия, Рошира, Токиверм! – повторили за ним другие.

– Быть Великому Танцу Волны! – вскрикнул Ил.

– Да будет Волна! – Взревел зал и закружился в танце.

В центр выбежал человек с гонгом и стал методично бить в него.

– Дун! Дун! Дун! – завибрировало пространство.

– Дун! Дун! Дун! – в такт гонга стали качать головами мирияне.

Завыли звери, раздались голоса птиц, запричитали люди, зашептала волна – и каждый звук, ожив в зале прозрачными, еле видимыми медузами, в едином ритме закружился вместе с танцующими мириянами.

– Мирия! Билерри! Кростаура! Повторяй за мной, – прошептал Ил.

Арсен, неожиданно впав в транс, задрожал.

– Ааааа! – затрепетал он.

– Мирия! Билерри! Кростаура! – Монотонно, единым гулом повторял зал.

– Кростаура! Кростаура! – заголосил не своим голосом Арсен.

– Кростаура! Кростаура! – подхватил зал, закружившись вокруг него.

Здание задрожало, завибрировало и, сорвавшись, понеслось в бешеном водовороте танца наверх. Море загудело, огромный луч от раковины устремился наверх и у самой поверхности распался на тысячи мелких волн.

– Кростаура! – Звенело море.

– Дыши! Дыши! – Шептал Ил.

Глава 11. Рыбацкая артель

– Дыши! Дыши!

– Кха! Кха! – закашлялся Арсен, выплюнув остатки воды.

Грузный мужчина делал ему искусственное дыхание, одновременно нажимая всем весом на живот Арсена, отчего тот чуть не задохнулся. Увидев, что Арсен открыл глаза, толстяк облегченно вздохнул и заулыбался:

– Живой! Слава Богу!

– Где я?

– Кто же ночью купается? Хорошо, что тебя заметили.

Арсен был гол, чуть приподнявшись на локтях, осмотрелся по сторонам. Он лежал на песке, а вокруг него стояли люди в резиновых сапогах и комбинезонах.

– Я чуть не утонул? – переспросил Арсен, настороженно оглядываясь. – А где пловец?

– Какой пловец?

– Пловец. Ил.

– Ил? – озадаченно переспросил толстяк. – Не знаю такого. Ты был один, – мужчина поднялся на ноги. – Кстати, что ты делал на середине моря? И как смог так далеко заплывать?

– Не знаю, – растерянно ответил Арсен и, припомнив ночное путешествие, соврал. – Я ничего не помню.

Действительно, поверить в это было невозможно.

– Тебе повезло, парень, что мы оказались рядом, – сказал худой усатый мужчина. Он немного шепелявил, и сразу понять его было трудно. – Мы плыли проверить сети и увидели тебя, болтающегося на волнах.

– Спасибо, – поблагодарил Арсен.

– Кстати, а где твоя одежда?

– Она была на берегу, – растерянно оглянулся по сторонам Арсен. – Наверное, где-то здесь.

– Пока на, держи, – протянул усатый рыбак накидку. – А твои вещи, надеюсь, найдутся.

– Благодарю, – укутался Арсен. Он сильно продрог.

– А ты, видимо, хорошо выпил вчера. Пьяному ведь море по колено, – насмешливо спросил рябой рыбак, стоящий чуть поодаль.

Все дружно загоготали.

– Ну, ладно вам, зачем стыдите парня? Ему и так невесело, – проворчал толстяк и поднял Арсена за руку. – Пошли к нам в барак. Сначала согреем чаем, а потом отвезем тебя домой. Кстати, а где ты остановился?

– У Хромого Капитана.

– А, – усмехнулся толстяк. – Теперь понятно, почему тебя ночами волны носят. У Капитана всегда курс на море, он всегда на волне.

Все опять захохотали. Арсен недовольно посмотрел на них, но ничего не сказал. Из поселка подъехал мотоцикл с самодельным жестяным кузовом. Рыбаки стали перегружать в кузов улов и снасти, а Арсена посадили позади мотоциклиста.

– Поехал! – Махнул рукой мотоциклисту усатый, а рыбаки пошли пешком.

Затарактел мотоцикл и понесся по берегу моря, где с утра уже сновали лодки рыбаков.

К берегу плыла небольшая баржа. За ней вереницей тянулись лодки. В это же время от берега отплывали другие рыбаки на своих плоских, потрескавшихся, покрашенных в синий цвет лодках. Подъехав к железному ангару, мотоциклист просигналил и крикнул:

– Эй, принимай.

– Что расшумелся? – из ангара вышла крупная сердитая женщина и стала недовольно открывать ворота.

Мотоциклист, весело подмигнув ей, заехал прямо на большие автомобильные весы. Женщина, насупив густые брови, невозмутимо взяла тетрадь и, посмотрев на стрелку весов, стала молча что-то записывать в тетрадь.

– Все? – вопросительно посмотрела она на мотоциклиста.

– Все что есть, только для тебя, родная. Мне не жалко, – попытался пошутить мотоциклист, но наткнулся на ее колючий взгляд.

– Не густо, – послунявив пальчик, она перевернула страничку. – Деньги получите завтра. – И, посмотрев на Арсена, стеснительно укрывшего ноги накидкой, удивленно спросила:

– А это что за чудо?

– Морской зверь, – засмеялся мотоциклист. – Утром поймали. Хочешь, тебе оставим, пока мужа дома нет.

– Ты своей жене тащи зверя, с таким, как ты, каши не сваришь, – злобно прошипела приемщица. – Катись отсюда. Не мешай работать.

– Ууу, какая ты сегодня сердитая, – быстро завел мотоцикл водитель. – Сразу видно: мужа давно нет. Если что, приеду ночью, успокою. Не запирай дверь.

– Пошел вон отсюда! – Серdito рявкнула приемщица и плюнула в его сторону.

Мотоциклист не стал спорить и пулей вылетел из ангара.

– Зачем ты ее злил?

– Ей полезно злиться, турист, глядишь, похудеет.

– Я не турист. Я журналист, – недовольно буркнул Арсен.

...

Баракom служил большой двадцатифутовый морской контейнер, на котором было написано: «Штаб». Внутри барака по бокам стояли железные кровати, а в центре – деревянный стол, за которым уже рассаживались рыбаки, вытаскивая из сумок нехитрый провиант.

– Ты полежи, пловец, – предложил рябой рыбак Арсену. – А мы пока похозяйничаем.

И вправду, на Арсена навалилась такая усталость, словно он не спал несколько ночей. Он прилег на ближайшую кровать и сразу же заснул.

– Эй, пловец, просыпайся, – разбудили его.

Арсен открыл глаза. Перед ним стоял мотоциклист:

– Оденься в это, – подал он штаны и рубашку. – И пора подкрепиться, еда готова.

Арсен сел на кровати, протёр глаза и попытался сосредоточиться. В нос ударил запах жареной рыбы. На столе дымился казан с чем-то горячим, а рядом были разложены лепешки и свежий, только что испеченный хлеб, различная закуска. На маленькой электрической плитке в черном от копоти чайнике кипел чай. Арсен присел к столу и аккуратно отломил кусок лепешки.

Здесь не было тарелок, все кушали из общей посуды. Никогда прежде Арсен не ел из общего котла.

– Сазан? – спросил Арсен и взял ложкой небольшой кусок и положил перед собой на бумагу.

– Сазан, – кивнул головой рябой. – Здесь это Король-рыба. Когда-то была камбала – не рыба, а резина. Пустая трата сил, только с голоду не подохнуть. А сейчас вернулся сазан – наш кормилец. И жить стало легче.

– Неплохо приготовлено, – оценил Арсен мастерство повара.

– Осторожней с косточками, – предупредил толстяк. – Их не так много, как в леще, но тем не менее.

– Ммм, – промычал Арсен, кивнув головой. Рыба, немного пересоленная, пережаренная, но все равно была вкусной.

– Не стесняйся, ешь, – повар подложил ему на бумагу еще кусочек.

А Арсен и не стеснялся. Он уминал куски один за другим, удивляясь, как много может войти в его желудок.

– Откуда ты? – спросил рябой, разглядывая его.

– Да дай поесть человеку, – упрекнул толстяк. Видимо, главный. Его здесь все слушались и называли «Бугор».

– Из города я.

– Он журналист, – сказал мотоциклист, наливая ему чай.

– А зачем приехал? Отдохнуть? – продолжал допытывать рябой.

– Я вообще-то по делу, – откинулся на спинку стула Арсен, наслаждаясь разлившимся по телу ощущением сытости и тепла, и удовлетворенно вздохнул. – Я ищу людей, которые пропали на острове.

– Что? – рыбаки удивленно уставились на него. – Зачем ты их ищешь?

– Вернее, не ищу. Я хочу написать о них репортаж.

Зависла тишина, рыбаки молча взяли в руки чашки.

– Что вы знаете об этом исчезновении?

– Люди разное говорят. Разве можно им верить? – подул на чай рябой. – Да и Хромой Капитан – любитель сказки рассказывать. Так что я не знаю, правда это или нет.

Арсен поставил чашку на стол и внимательно посмотрел на рябого:

– Единственное, что известно – они реально исчезли на острове.

Лица рыбаков помрачнели. Немного подумав, толстяк промолвил:

– Это темное дело. Не советовал бы туда лезть. Никто не знает, что на самом деле там произошло.

– А я и не лезу, просто собираю информацию.

– Ну и хорошо. Напиши свою статью и возвращайся в город.

– Но мне нужно съездить на остров.

– Зачем? – удивился рябой. – Что ты там собрался искать?

– Может, что-то и найду, – с вызовом ответил Арсен. – Всегда есть то, за что можно ухватиться.

– А ты не боишься, что тоже пропадешь, как они? – испуганно спросил молчавший юный рыбак. – Это проклятый остров. Все рыбаки обходят остров стороной.

– Нет, не боюсь, – самоуверенно ответил Арсен и загадочно добавил. – Мы все так или иначе пропавшие. Так чего бояться того, что уже давно свершилось?

Арсен выжидающе посмотрел на замолчавших рыбаков, но никто из них больше ничего не добавил. Допив чай, Арсен встал из-за стола:

– Ну, что же. Огромное спасибо за угощение, – и, направившись к выходу, на мгновение остановился. – И отдельная благодарность за то, что спасли меня.

Рыбаки молча кивнули.

– Я отвезу тебя, – встал мотоциклист. – А то тебя опять унесет в море.

Глава 12. Рыбацкий поселок

Вчерашнее амбре из рыбы, алкоголя и лука не рассеялось, а наоборот – усилилось. Капитан все еще храпел в ворохе тряпья, хотя был уже полдень. В остатках вчерашней закуски хозяйничали мухи, которые ползали и на лице хозяина.

– Капитан, проснись, – стал тормошить его Арсен.

Капитан что-то невнятно промычал, но не проснулся.

– Бесплезно, – хмыкнул мотоциклист. – Ему опять нужно топливо. Он как двигатель, не работает без бензина.

Он налил в стакан остатки водки и протянул его Арсену. Зажав нос от резкого запаха, Арсен с отвращением поднес стакан к носу старика.

– Ммм... ммм. Мааа.. Ммм, – заворочался Капитан, пробормотав что-то нечленораздельное, но глаза так и не открыл.

Арсен не убирал стакан, поднеся еще ближе к его носу. Капитан, почуяв знакомый запах, принялся, зачмокал губами и, наконец, открыл глаза. Увидев перед собой стакан, он поднялся, дрожащими руками выхватил его из рук Арсена и залпом опрокинул в себя. Зажмурившись, занюхал рукавом и, повернувшись на другой бок, опять захрапел.

– Капитан, вставай. Нам пора ехать, – силой поднял его Арсен.

– Что ты хочешь от меня? – недовольно пробурчал он. – Отстань от меня, вот же пристал.

– Ты повезешь меня на остров? – сердито спросил Арсен.

– Что ты там потерял, на этом острове... эээ... – заплетаясь языком проговорил Капитан, громко икнув. – И ты тут, – заметил он мотоциклиста.

– Мы же договаривались, Капитан. Еще вчера, – стал сердито трясти его Арсен.

– Ладно, отвезу, – мотнул головой старик. – Только не сегодня. Сегодня я не в состоянии. – Он снова икнул и, обмякнув всем телом, упал на тряпье и снова захрапел.

– Он теперь неделю пить будет, – махнул рукой мотоциклист. – Переночуй сегодня у меня. А завтра, если что, попытаемся найти другого проводника.

– Но только он знает точку, куда отвозил этих людей.

– Да эту точку нетрудно выяснить, там остров, как на ладони, – заверил его мотоциклист. – Поехали. Здесь тебе нечего делать.

Арсен собрал свои вещи и послушно сел на сиденье за мотоциклистом. Зарывав, задрезав, мотоцикл резво поехал по поселку, подпрыгивая на ухабах.

А поселок тем временем переходил от одной фазы жизни к другой, и каждый временной промежуток имел свои особенности. Здесь существовал внутренний ритм, благодаря которому люди в одно и то же время внезапно оказывались на улице и также неожиданно пропадали. И в какой-то момент поселок необъяснимо вымирал.

У каждой группы жителей был свой график. Словно статисты, играющие жителей городка в фильме «Шоу Трумана»¹², поселок оживал строго по расписанию.

Раньше всех появлялись рыбаки. Суровые, угрюмые, с сетями за плечами, они вставляли до восхода солнца и обреченной вереницей брели в резиновых сапогах к своим высохшим за ночь лодкам и веслам, закидывали снасти и с громкими криками отчаливали от берега.

¹² «Шоу Трумана» (англ. The Truman Show) – американская кинодрама режиссёра Питера Уира, вышедшая на экраны в 1998 году.

– Что это за слово, которое кричат рыбаки по утрам? – спросил Арсен у мотоциклиста. – Не могу никак разобрать.

– Уррру, – ответил он. – Уррру – это покровитель рыб, у которого мы просим добычи.

– Он благосклонен, если так кричать? – с любопытством спрашивал Арсен.

– Запомни: мы не кричим, – назидательно поучал он. – Мы обещаем честно брать то, что можно. И не берем того, чего нельзя.

– Это что – какая-то мера, которую нельзя переступать? Кодекс рыбака?

– Это доля, которая отмерена каждому рыбаку. Жадный рыбак губит море. Он убийца. Мы же просим только то, что море нам даст.

Он вспомнил, что мифы – это выражение коллективной психологии, некое воплощение надежд народа. Он не стал спрашивать, сколько «р» в этом заклинании.

И «Уррру» – это, скорее всего, архетип, о котором писал Юнг¹³.

Как родился «Уррру»? И почему он понадобился рыбакам?

– Важно, как кричишь. Твой голос должен быть сильным, звонким, – продолжал объяснять мотоциклист. – Ведь ты голосом открываешь новый день. И твоя удача зависит от того, как ты правильно используешь силу своего голоса. Как произносишь – Урррруу!!!

– Но почему передняя гласная произносится скомкано, а основное ударение делается на твердый «р», который почему-то растягивается на весь диапазон? – Арсен не занудствовал. Мифы были его хобби. Какое-то время он сильно ими увлекался и собирал народные сказки, легенды и предания. И, изучая, понял, что нет никакого волшебства или сказочности в этих мифах: в них сокрыты особенности философии того или иного народа.

– Сразу видно, что ты не рыбак, – снисходительно улыбнулся в усы мотоциклист. Он умел ухмыляться так, что следы усмешки терялись в его усах. И по первости непонятно было, улыбается он или морщится. – В первой букве стоит женщина. Прародительница. Она дает жизнь. Но в этой букве много женского, а значит, мало добычи. Женщина не добытчик в наших краях. Так было всегда. И если ты затянешь с этой буквой, то ты затянешь и с добычей.

– Прости, но я журналист, мне нравится играть со словами, – не унимался Арсен. – Мне интересно, почему же последняя буква протяжная. А она ведь гласная, значит, женская?

– Последняя буква – это дочь. Мать – У. Сын – Р. Дочь – У. Все понятно. Дочке сына позволено многое. И она не добычица. Она – разделитель добычи.

– Разделитель добычи?

– Да. Вся добыча ради нее. Это продолжение материнского рода, выживатель народа.

– Что значит выживатель народа?

– Народы чаще всего выживают благодаря женщине, которая носит в чреве последнего из рода. Поэтому их и называют «выживатель» народа.

– Впервые слышу это слово, – недоуменно промолвил Арсен.

– И вообще, не думай об этом, – с силой нажал на газ мотоциклист. – Наша роль одна – приносить добычу. А остальное – от Всевышнего.

А Арсен вспомнил, что есть языки, где почти нет гласных. Или были. Что-то такое они проходили во время академической учебы. А может, это были первые языки, где роль женщины и гласных была незначительна?

Хотя, как может быть женщина не важной в обществе, ведь даже в этом возгласе она стоит первой – дающей жизнь.

¹³ Карл Густав Юнг (нем. Carl Gustav Jung [ˈkʰaʁl ˈɡʊstaf ˈjʊŋ]) (26 июля 1875, Кесвиль, Тургау, Швейцария – 6 июня 1961, Кюснахт, кантон Цюрих, Швейцария) – швейцарский психиатр, основоположник одного из направлений глубинной психологии – аналитической психологии.

А между тем на улицах появились школьники.

Возвращаясь со школы, они радовались так искренне, как могут только дети – по-настоящему. И даже насупленные школьницы, вечно недовольные своими одноклассниками, в душе ликовали, что наконец-то закончилась рутина и можно скинуть надоевшую форму и предаться своим делам.

Мальчишки, побросав ранцы на землю, кидали друг в друга камешки, раззадоривали девочек, дергая их за волосы. Девочки отбивались, сердито отчитывая пацанов, убегали, но не так далеко, чтобы подразнить, в свою очередь, одноклассников.

Арсен всегда был щепетилен и досконально изучал то, что было интересно, и в то же время – загадочно. Была в этом поселении некая тайна, которую он, столичный журналист, никак не мог разгадать. Мистика в этих отточенных, словно ритуалы, сменах фаз, эмоций, в некоем сакральном круговороте промежутков времени, словно управляемых неким невидимым кукловодом. И этот кукловод, возможно, заправляет и морем, по расписанию планируя приливы и отливы.

Арсен опять попытался в уме построить график жизни поселка.

Ведь он забыл самое главное – Женщины.

После рыбаков, отплывающих в море, животных, выходящих на выпас, детей, идущих в школу, на улицах появлялись женщины – настоящие хранительницы очага. Не торопясь, начинали подметать вениками рядом с домом. Потом они беседовали друг с другом, обмениваясь новостями, ходили за продуктами и буквально через час исчезали в своих домах.

Весь их день был посвящен подготовке вечерней трапезы, когда вся семья собиралась вокруг стола. Это самый важный эпизод, ради чего и происходит вся эта дневная суета.

– Мы называем этот ужин «Еда Вступления», – сказал мотоциклист. – Мы вступаем в лоно семьи и восстанавливаем утраченные днем семейные связи.

Черт те что! Ужин Вступления! Это надо же придумать: вступления, почему не выступления или даже исступления? Любят эти рыбаки напускать тумана.

– Приехали, – прервал его размышления мотоциклист, тормозя возле односкатного, небольшого, но аккуратного дома, огороженного изгородью из кустарника.

Он пошел к дому и, открыв дверь, крикнул в проем:

– Эй, жена. У нас гость. Накрой стол, – и, повернувшись к Арсену, крикнул. – Чего ты сидишь? Слезай. Сегодня мой дом – твой дом.

Арсен послушно прошел за ним. Неказистый внешне, внутри дом оказался просторным. За коридором следовала большая гостиная, из которой выходили три двери в другие комнаты. В центре гостиной стоял низенький деревянный стол, возле которого были сложены в стопку шерстяные одеяла.

Из комнаты выбежали двое детей, погодки, не старше пяти лет. Увидев отца, они бросились к нему с радостными криками:

– Папа! Папа!

Мотоциклист присел на одно колено и обнял детей, обняв их волосы.

– Что ты нам принес, папа?

– А вот что я вам принес, мои ангелочки, – расплылся в улыбке тот и вытащил из кармана конфеты.

– Ура! Ура! – завизжали дети и сразу же стали шуршать фантиками.

Из комнаты вышла женщина в халате и платке на голове. Увидев Арсена, она остановилась.

– Здравствуйте, – промолвил Арсен.

– Здравствуйте, – ответила она смущенно и сразу же стала отчитывать мужа. – Опять у них зубы будут болеть. Балуете вы их сильно.

– Да ладно, жена, – стал оправдываться мотоциклист. – Старые зубы выпадут, вырастут новые. Самое главное – видеть их радостные лица. Я ими живу и эти минуты встречи для меня – самые драгоценные, – он ласково гладил детей по головкам.

Жена встала возле стола, сердито глядя на мужа, и хотела было дальше ругаться, но постеснялась гостя.

– Что встала? Гостей не видела? – шутливо прикрикнул на нее мотоциклист. – Накрывай на стол.

Словно опомнившись, женщина побежала на кухню.

– Спасибо, я сыт. Мы же недавно поели, – стал отказываться Арсен. – Где здесь можно позвонить? Мой мобильный телефон так и остался на пляже.

– А толку от твоего телефона, здесь все равно не ловит сеть. Ты лучше сходи на почту.

– А там есть Интернет?

– Там есть телефон.

– Хорошо, я тогда схожу на почту. Попробую связаться редакцией.

– Но прежде выпейте чаю, – вышла из кухни женщина.

– Спасибо, я все же сбегаю пока на почту. Нужно позвонить начальству, а то меня уволят, – улыбнулся Арсен и направился к выходу.

– Мы ждем вас к ужину. Сильно не запаздывайте, – крикнула хозяйка вдогонку.

– Он у нас заночует. Так что ужинать в любом случае будет с нами, – заверил супругу хозяин дома.

Глава 13. Дом Рыбака

Выйдя на улицу, Арсен пошел в сторону центра, куда ему указал мотоциклист. Солнце клонилось к закату. Пройдя немного, он оказался на открытом пространстве, которое было таким же необустроенным, как и другие поселковые улицы: ямы, колдобины, выбоины, вместо цветов всюду разраслись сорняки.

По краям площади висели щиты, на которых еле-еле различались цитаты из произведений писателей. Краска на проржавевших щитах обвалилась. Это, видимо, была площадь, на которой располагались несколько административных зданий, сложенных из белого силикатного кирпича. Они отличались от поселковых домов основательностью, монолитностью и некой... официальностью.

Рядом с самым крупным зданием, на котором красовалась вывеска «Администрация», у входа на стульях сидели старики. К ним подходили люди, здоровались за руку с каждым. Словно это был какой-то совет старейшин, решающий важные вопросы поселка. Старцы и сидели величественно, поглядывая на прохожих с высокомерной снисходительностью. Как обычно бывают снисходительны житейский опыт и бесстрастны прошедшие годы.

У них в редакции тоже был попечительский совет, который состоял из пожилых профессоров. Шеф не любил их, обзывая за глаза старыми болванами.

– Мудрость у каждого своя, – говорил он Арсену. – У кого-то мудрость удобная. У кого-то – субъективная. И только если собрать все эти личные проявления мудрости, то и получится объективность. Но впрочем, сумма субъективностей необязательно является истинной объективностью. Так что прожитый опыт ничему не учит, а наоборот, еще больше запутывает.

Но эти старики, видимо, были наделены коллективной и объективной мудростью, так нужной местной общине. В провинции их авторитет всегда был высок. Когда кто-то к ним обращался за советом, они долго думали, жевали табак, неторопливо совещались. И через какое-то время принимали решение. А проситель, рассыпаясь в любезностях, обычно что-то дарил им и уходил довольный. Над головами сидящих красовался плакат: «Мы служим своему народу. И в этом наше главное счастье».

Временами из здания администрации выходил надменный чиновник в строгом костюме и тогда с лиц стариков слетала маска высокомерия, они оживали, подобострастно улыбаясь сановитому господину. Чиновник говорил важно, старики поддакивали, угодливо кивая, и долго после его ухода оживленно обсуждали высокие новости.

Арсен прервал дискуссию, спросив дорогу на почту. Они настороженно взглянули на него, узнав в незнакомце жителя города. Но здесь не любили городских: там не слушают стариков, там у каждого свой непослушный ум. Там старики не нужны, они и своих-то выкидывают. Они презирали городских. Здесь, на селе, старикам почет и уважение. Так всегда было и так должно быть. А городские живут в своем выдуманном мире. Оглядев Арсена с ног до головы, они неопределенно замахали руками:

– Там.

Поблагодарив, Арсен пошел дальше, к маленькому домику с надписью на фасаде «Банк», за которым стояло такое же неказистое здание поселковой почты. Войдя внутрь, он оказался в небольшой комнате, где за деревянной перегородкой сидела насупленная женщина с крашеными волосами.

– Здравствуйте, – Арсен постараясь выглядеть любезным. – Мне нужен Интернет.

– У нас нет Интернета! – недружелюбно бросила женщина. – Есть только телефон, вон там в углу. Но сначала оплатите, а потом звоните, – показала она на аппарат на столе.

– А как можно отправить письмо?

– Берете листок, пишете письмо, кладете в конверт и отправляете по адресу, – издевательским тоном объяснила она.

– Как долго будет идти письмо?

– Ну, если вечером приедет автобус и я успею передать всю корреспонденцию, то в течение недели ваше письмо дойдет.

– Так долго? – воскликнул Арсен. – Но мне нужно срочно!

– Срочно у нас ничего не делается, это не город, – буркнула женщина. – То, что нужно, дойдет. А ненужное не дойдет, если даже срочно.

Арсен оплатил, подошел к телефону, взяв трубку старого аппарата, набрал номер редакции.

– Алло, – ответил на другом конце линии редактор.

– Шеф, это я. Здесь не ловит Сеть, поэтому не мог связаться раньше.

– Где тебя черти носят? – в бешенстве захрипел прокуренным голосом редактор. – Мы собрались тебя в розыск подавать.

– Я нахожусь в рыбацком поселке.

– Чтотоооо? – завопил шеф. Арсен представил его округлившиеся от негодования выпученные глаза. – Я же тебе сказал возвращаться!

– Я приехал буквально на один день, много чего выяснил, например, куда отвозили пропавших, нашел человека... – но шеф не дал ему договорить.

– Ты решил поиграть в детектива?

– погоди, шеф, не горячись. Я мигом обернусь и обратно, – стал убеждать Арсен. – Некий Капитан, видевший пропавших последним, кстати, интересная личность, отвезет меня на остров. И я сделаю отличный материал. Я разве зря сюда приехал?

– Ты с ума сошел?

– Шеф, мало кто из местных решается плыть на этот остров. В этих краях он считается проклятым, с этим местом связано много легенд.

– Ты меня слышишь, Арсен? – продолжал кричать шеф. – Какой еще остров? Какой еще Капитан?

– Это старик, местный забулдыга. Правда, он сейчас ушел в запой, но надеюсь, он завтра будет в форме.

– Арсен, если ты сейчас же не выедешь оттуда, то завтра можешь считать себя уволенным.

– Шеф, не слышно тебя... Алло??? – нарочито стал переспрашивать Арсен, словно ему не было слышно. – Алло!

– Не придуривайся, Арсен. Я тебя предупреждаю, – угрожающе процедил шеф.

– Что за связь здесь? – Арсен недоуменно посмотрел на трубку. – Ничего не слышно.

– Положите трубку и наберите снова, – проинструктировала работница почты.

– Да уже не нужно, – Арсен положил трубку. – Мы уже обо всем поговорили.

В этот момент в помещение забежала юркая старушка, заискивающе улыбаясь, засеменила к окошку:

– Доченька, соедини меня с городом, – попросила она и, вытащив из пакета сверток, протянула его в окошко. – А это тебе, милая, перекусить.

Работница равнодушно приняла сверток и молча кинула на телефонный аппарат.

– Спасибо, милочка, – старушка засеменила к телефону.

– Вы будете продлевать разговор? – спросила работница у Арсена.

Тот улыбнулся, нахально подмигнул ей и, ничего не ответив, вышел на улицу.

Пройдя несколько метров, он оказался на краю поселка, у берега моря. Здесь везде было море.

Море начиналось с одного конца села и заканчивалось на другом. Море охватывало поселок почти со всех сторон, кроме одной узкой полосы суши, куда уходил на пастбище скот и откуда шла дорога с внешним миром.

Солнце уже катилось к горизонту, к большой одинокой сопке у залива. И играло последними лучами в засыпающем море. Суровое, словно черно-белое кино, маловыразительное, но в то же время наполненное внутренней, нерастраченной экспрессией, море было таким же сосредоточенным рыбаком, как и местные жители.

Это было море промысла, а не отдыха, и берега его были наполнены суетой рыбаков, а не негой пляжной лени.

Пахло тиной вперемешку с мокрым песком. Здесь не было вездесущей, всепоглощающей соли, как в городке. Здесь не пахло сухостью, а морем и рыбой.

И только человек с тонким нюхом, как Арсен, мог учуять запах гниения, такой же, как и в умершем порту.

Море умирало.

Арсен, вспомнив, что приглашен на ужин, поспешил к дому мотоциклиста.

А поселок в это время менял один временной период на другой, и сейчас было время возвращения домашнего скота. Улицы наполнились коровами, овцами, козами, лошадьми, слышался голосом пастуха, возвращающего скот хозяевам.

– Айт! – слышался его гортанный окрик, и животные, почуяв своих детенышей, ускорили шаг в привычные загоны.

Арсен любовно погладил по спине ковыляющего мимо жеребенка. Пастух удивленно посмотрел на незнакомца: здесь не принято проявлять нежность к скоту, который выполнял необходимую функцию и ничего больше. Для ласк есть город, а здесь морской ветер учит выживать и не тратить силы. Арсен улыбнулся пастуху и пошел дальше, разглядывая животных, улицы, людей и дома. Неспешной походкой он шел по улочке, выделяясь среди суетящихся жителей, принимающих свой скот, и женщин, снимающих накопившиеся за день надои. Временами на него смотрели как на чудака, слоняющегося без дела, ведь тут все городские числились бездельниками, кому деньги даются просто так. А у местных расписан каждый час, и нет времени для пустых прогулок.

Наконец Арсен подошел к дому мотоциклиста и постучал в обитую черным дерматином дверь, которую тут же открыл хозяин, переодевшийся в майку и спортивное трико:

– Ты почему стучишь? – спросил он удивленно. – Не закрыто же.

– Ну, так принято, – смутился Арсен.

– Э, понятно, – засмеялся хозяин. – Ты же городской, не знаешь, что у нас входят без стука. Тем более ты мой гость. А гостям двери всегда открыты. Да и вообще, у нас в поселке двери всегда открыты: здесь же все свои.

Хозяин пригласил гостя внутрь. На саманной печи что-то варилось в большом котле. А снизу, в маленьком проеме печки, на углях лежала закрытая сковорода, в которой пекся хлеб. Чуть дальше, рядом с окном, дымил самовар. Возле печи суетилась хозяйка.

– Мы вас заждались, – улыбнулась она. – Проходите к столу.

– Спасибо, – отозвался Арсен, снимая обувь.

– Садись, дорогой гость, – пригласил хозяин за накрытый столик и, примостившись, позвал. – Дети, идите кушать.

Из двери детской выскочили малыши, а за ними неторопливо вышла угловатая девочка лет пятнадцати. Она застенчиво поздоровалась с Арсеном и стала помогать матери. Малышня шумно расселась за столом, засунув свои ручки в вазу со сладостями.

– Уберите руки, – прикрикнула на них старшая сестра и почему-то покраснела.

Хозяйка внесла в комнату большое дымящееся блюдо с рыбой. Здесь почти всегда ели рыбу. Мясо готовили очень редко.

– Отведайте нашу фирменную балкарму, – поставила она тарелку на стол.

Балкарма представляла собой слоями выложенное на тарелку вареное тесто, картошку, рыбу и жареную икру, сверху залитое соусом из лука, зелени и помидоров. Девочка принесла в сковороде горячий хлеб, обильно политый растопленным сливочным маслом. И, наконец, хозяин дома торжественно внес дымящийся самовар:

– Ну, давайте перекусим, чем Бог послал.

Внешне невзрачный дом, наполнившийся вкусными запахами, сразу стал уютным, а этого не бывает порой в самых богатых домах. Ощущение дома заставило вдруг отступить постоянно гложущее чувство неприкаянности, которое постоянно преследовало Арсена. В доме везде чувствовалось женское присутствие: аккуратная, старательная, заботливая рука жены, матери, хозяйки. И Арсен, словно он был частью этой семьи, на время забыл о цепком ощущении одиночества, ставшего его спутником.

В этих краях вкус обостряется и за суровостью таится бесконечная доброта. И даже блюда, кажущиеся на вид непрезентабельными, обладают огромной силой внутреннего скрытого вкуса. Возможно, это мастерство умелой хозяйки или сила радушия хозяина, которые они вложили в это блюдо. А может быть, в этих краях, где еда добывается тяжелым трудом, обостряются рецепторы и блюда кажутся невероятно вкусными.

– Мы в соус положили траву, которая растет у подножия Богатырской сопки, – заметил Хозяин. – Она растет только там, больше нигде. Эта трава дает особую силу, которая делает выносливым самого истощенного человека. А тебе нужны силы, так что ешь, не стесняйся.

– Вкусно, очень вкусно, – похвалил блюдо Арсен. И это было правдой.

Он не был поклонником рыбных блюд, предпочитая курицу или красное мясо. Но хозяйка постаралась, и умело сваренная рыба отлично сочеталась с соусом.

А хлеб, как же давно он не ел настоящего домашнего хлеба. Пожалуй, с самого детства, с той самой поры, когда у них дома всегда был свежеиспеченный мамой хлеб.

– Все то, что производится в промышленных масштабах, вредно, – когда-то учила его мама. – Избегай всего этого.

– Даже хлеб?

– В первую очередь. В нем нет ничего полезного, а только вред.

Но не печь же самому хлеб, поэтому все они вынужденно становились рабами промышленного производства.

– Какой хлеб... Мм, – Арсен закрыл от удовольствия глаза. – У вас какой-то особый рецепт? – обратился он к хозяйке.

– Да что вы, – смущенно улыбнулась она. – Ничего особенного. Все так готовят. Мы едим много хлеба, поэтому нам выгоднее самим печь хлеб. Живем на заработки мужа, а у него все зависит от улова: то густо, то пусто.

– Прекрати, жена, – сердито оборвал супругу хозяин. – Слава Богу, не жалуемся. Не голодаем. На все хватает. А нам много и не надо.

– Я его прошу: давай переедем в город. А он даже слышать не хочет. Там ведь и заработки другие, – посетовала хозяйка.

– Тьфу ты заладила, ей Богу, – рассердился хозяин. – Чтобы я жил в этих каменных мешках, называемых домами, где люди, словно муравьи, ютятся друг над другом? – возмутился он.

– А почему бы и нет? Мне нравятся эти дома. Там все так удобно. Есть газ, горячая вода. Даже туалет дома, – не унималась супруга.

– Вот глупая. Это что за жизнь, когда ходишь в туалет дома? Это же осквернение жилища, места, где кушаешь. Ни за какие деньги я не хочу в город. Да если я утром не увижу моря, не увижу Богатырскую сопку, я просто с ума сойду.

Он сердито замолчал, усиленно пережевывая. Но поперхнувшись, закашлялся и запил чаем, гневно поглядывая на супругу.

– А почему ее называют Богатырской сопкой? – спросил Арсен, чтобы разрядить обстановку.

– Это давняя история, – обрадовался хозяин возможности сменить тему. – Согласно легенде, в этих местах жил сильный богатырь. И как-то, когда он стоял на той сопке, из моря вынырнул большой сом. И сказал:

– Давай померимся силами, богатырь. Если одолею тебя, то я тебя съем. Если ты, то я – твоя добыча.

Богатырь согласился. И они боролись три дня и три ночи. И когда богатырь уже стал одолевать рыбу, он вдруг увидел детенышей сома, которые стали плакать. И, пожалев их, он решил ослабить хватку. И проиграл. Намеренно. Рыба унесла богатыря на дно, и никто не видел его с тех пор. А сопку стали называть Богатырской – в его честь.

Дети внимательно слушали отца, временами с любопытством рассматривая гостя. А их сестра так и не притронулась к еде, и молча сидела, опустив глаза. Закончив трапезу, малышня потянулась в свои комнаты. А девочка стала убирать со стола.

– Я вам постелила в большой комнате, – сказала хозяйка, показав на дверь в дальнем углу.

– Спасибо за ужин. Было очень вкусно. Я никогда не ел что-либо вкусней, – Арсен не умел хвалить и говорить комплименты, но ему хотелось поблагодарить, и если бы они были в городе, он угостил бы их ответным ужином в любимом ресторане мексиканской кухни.

– Вам понравилось? – Обрадовалась хозяйка. – Ваша благодарность – для нас счастье. Ведь так трудно угодить городским.

– Да мы, городские, такие же люди, только, наверное, немного сумасшедшие.

– Пойдем, покурим перед сном, – предложил хозяин.

– Верно, после хорошего ужина можно и покурить, – согласился Арсен. – Еще раз благодарю. – Он поклонился хозяйке и вышел на улицу.

– Море уменьшается? – спросил Арсен, разглядывая на мерцающий звездами в ночи залив.

– И рыбы стало меньше, – вздохнул хозяин. – А когда-то было так много рыбы, что мы ею топили зимой печки.

– А море может вернуться?

– Мы верим в это. У нас ничего не осталось, кроме веры.

Глава 14. Заволния

Ему постелили на полу. Здесь обычно спали на полу, а кровати стояли для антуража. Тем не менее, постель была достаточно высокой и состояла из нескольких сложенных стеганых одеял с прокладкой из верблюжьей шерсти. Сшитые из пестрых лоскутков, они были различной длины и плотности. Сверху прямоугольных одеял лежало большое квадратное покрывало с различными узорами. Такие же одеяла были сложены стопкой в углу. Арсен подошел, чтобы лучше рассмотреть их. Богатая фантазия мастера поразила его. На одном из одеял изображены женщины, вооруженные мечами, видимо, готовящиеся к сражению. На другом – охотник с луком и раненый сайгак. На третьем – волчица, вскармливающая человеческого ребенка. Тут тусклая лампочка заморгала, и Арсен выключил свет, чтобы лечь спать.

Он укрылся пушистым толстым одеялом и закрыл глаза. Ему стало необычно легко. Так, как в пору беззаботного детства, когда был окружен любовью и лаской.

Он, привыкший к своей шикарной King size кровати, к роскошной обстановке комфортных апартаментов в элитном доме, с удовольствием впитывал простоту этой нехитрой обстановки. Комфортное жилье порой бывает настолько неуютным, что оттуда хочется сбежать. Бежать за уютом, постоянно блуждающем где-то в подсознании, всполохами напоминающий какими-то кусочками митохондриальной ДНК о забытом рае, потерянном или из-за глупости, или просто по незнанию.

И в этом скромном доме, в затерянном поселке на краю цивилизации он неожиданно нашел покой, хотя бы на миг, хотя бы на час, которого так не хватало в его внешне благополучной жизни. Пусть это будет чужой уют, арендованный на время, но даже за это Арсен был благодарен этим людям, пригревшим его в своем доме.

...

Арсена разбудил крик петуха.

Он открыл глаза и посмотрел на потрескавшееся, с высохшими рамками, узкое окно. Но, несмотря на мутное стекло, ночные звезды были достаточно ярко видны. Звезды здесь очень близки, словно находились на расстоянии вытянутой руки.

Арсен повернулся на другой бок, пытаясь снова заснуть. Старые доски пола заскрипели. Петух прокричал еще раз. Где-то он слышал, если петух кричит ночью, то хозяин отрубает ему голову. Он должен кричать только на заре, а ночными криками зовет злых духов.

Арсен открыл глаза и стал прокручивать в голове картины прошедшего дня. Вспомнил Капитана, жилище которого было полной противоположностью этому дому. Вспомнил редактора. Бедный редактор: поведение Арсена не вписывается в его логику, он так привык к жадному до славы, денег, а главное – сенсации, ручному журналисту, что, наверное, не мог объяснить его безрассудное поведение.

Впрочем, Арсен и сам не мог объяснить себе: что он делает здесь?

Может, он хочет найти этих людей? Хотя, он меньше всех думал о них, ведя расспросы скорее для проформы. Он забыл о пропавших путниках, растворившись в обиходе этого сурового края. Другой мир, с которым он никогда ранее не сталкивался.

Город – это все, что его всегда окружало. В городе он родился. В городе он полюбил. В городе он стал мужчиной и отцом. И туда, за пределы города, где лежал совершенно другой, незнакомый, чуждый мир, он попадал редко. Разве что проездом, по надобности, равнодушно проезжая мимо, и случайно сталкиваясь с обитателями этих маленьких, оторванных от городских агломераций, разбросанных по степям и пескам – поселков и сел.

А сейчас?

Разве не журналистский азарт привел его в этот поселок, в который он, может быть, никогда и не попал бы? Эти рыбаки – всего лишь часть задания. Они словно те индейцы, которых разглядывали за заборами белые колонизаторы. А Арсен любил разглядывать неопознанные объекты через лупу, словно ученый изучает интересные организмы, чтобы занести их в свои пробирки. И сейчас он собирает типажи, чтобы создать материал, который, как всегда, восхитит читающую публику, которая будет рукоплескать, хвалить и цитировать.

Он – творец, создающий из мелочей величину, из безвкусицы – вкус, из простых разговоров – глубокий текст. И пусть его не любят. Пусть ему завидуют, это всего лишь шелуха, окружающая настоящий успех. И самое главное, что у него есть чутье на сенсацию, именно поэтому редактор его и ценит, и ни за что не отпустит в другую газету.

Ничего, шеф как всегда позлится, покричит, да и успокоится.

И еще...

...

Но чем больше он сам себя убеждал, тем больше понимал, что лжет себе. Он лжет, что чувствует сенсацию, что создаст достойный материал. Достойный чего? Никто не будет читать о рыбаках. Никому это не интересно. Общество давно погрязло в сенсациях дурного характера, и поэтому такие поселки останутся навсегда забытыми, и никто о них не вспомнит.

Но почему он тогда здесь?

Арсен задал себе столько вопросов, на которые так и не смог ответить.

Он зря теряет тут время, ведь шеф прав – он должен ехать в город. Завтра же. Немедленно. Здесь, может быть, приятные люди, милая семья, но это не его мир, не его вселенная.

...

За этими мыслями Арсен незаметно заснул.

Кто-то смотрел на него в окно. Он почувствовал это с закрытыми глазами. От этого пристального взгляда исходила сила, пробуждающая даже через окно. Арсен боялся темных окон, старался не смотреть в них. Ему чудилось, что там, внутри окон, кто-то есть. Кто-то, скрывающийся от дневного света. Кто-то, наблюдающий за ним, чтобы испугать.

Ночные окна делились на внутренние и внешние. Внутренние окна были не менее страшны. Мама учила, что нельзя смотреть в ночное окно и сейчас Арсен не открывал глаза, не решаясь смотреть на ночное стекло, ведь это были не привычные, постоянно освещенные уличным освещением и автомобильными фарами, городские окна. Это были чужие окна, за которыми был не город, а чужое и чуждое пространство.

Он боялся открывать глаза.

– Арсен, – позвал голос из окна. – Не бойся.

Арсену стало страшно.

– Кто вы? – спросил он с закрытыми глазами.

– Открой глаза, – произнес женский голос.

Наконец он повиновался. Из окна на него смотрела женщина с большими, выразительными глазами. Даже в темноте они были огромными. В них, в этих глазах, отражался сам Арсен, забившийся под одеяло.

– Ты не боишься, тебе не страшно, – взмахнула она рукой и действительно, страх вдруг отступил.

Ему даже стало неуютно, что привычный с детства страх, куда-то исчез. Он пытался поймать знакомое ощущение, найти его в закоулках подсознания и по привычке осознать, что страх действительно ужасен, уродлив. Но ничего не было. Появилось любопытство и ...стран-

ное ощущение легкости, и очарование этим моментом. Оконная гостья улыбнулась и пригласила жестом следовать за собой.

Завороженный новыми ощущениями мужчина влез на подоконник открытого окна и спрыгнул на улицу. Женщина шла, не оглядываясь, уверенная, что Арсен идет за ней. И Арсен шел, не зная, зачем, не зная, куда, но уверенный, что так и надо. Белая накидка на женщине колыхалась от ее плавных шагов, она словно плыла над вселенной, а ее ноги слегка касались земли. Да и он, не чувствуя ног, словно парил над землей. Так они оказались на площади, где стоял старый зеленый грузовик. Женщина открыла дверь кабины и села за руль. Арсен остановился в замешательстве.

– Садись рядом со мной! Не бойся! – позвала она.

Арсен нерешительно проследовал внутрь и сел на жесткое, неудобное сиденье грузовика. В кабине сильно пахло машинным маслом и керосином. Женщина потянула рукоятку, завела двигатель и, с громким скрежетом переставив ручку скорости передач, выжала сцепление и с силой нажала на педаль акселератора. Загудел грузовик и тронулся с места. Поплутав между домами, женщина выехала за поселок.

Прижавшись к большому рулю, женщина умело маневрировала по бездорожью, обходя ямы и колдобины. И большая машина покорно подчинялась силе этой хрупкой женщине. Стрелка указателя скорости на панели лежала на нуле, словно машина не двигалась, хотя они на большой скорости пролетели по перешейку мимо моря и выскочили в степь.

«Студебекер – название американского грузовика по военному ленд-лизу», – почему-то всплыло в памяти название старого грузовика то ли из прочитанной книги, то ли из просмотренного фильма.

Студебекер – это корявое и незнакомое слово как нельзя лучше подходило к этой странной поездке в ночи. Фары автомобиля выхватили фигуру, стоявшую на обочине. Это был старик, опирающийся на посох. Благообразная седина, белая борода, длинный посох – воплощение мудрости, благоразумия и добродетели. Старик поднял руку, призывая их остановиться.

Что он делал ночью один в этой глуши?

Возможно, отстал. Потерялся. Это неважно, его нужно подобрать, довести, спасти. Но женщина проехала мимо. Арсен недоуменно посмотрел на нее.

– Убеленная старость обманчива. Долгие годы прибавляют грехи, а не убавляют их. В конце остается лишь сожаление. И подобравший сожаление, разделяет его, – загадочно ответила женщина.

А рядом полетели птицы, держась одного с ними курса.

Через некоторое время на обочине появился еще один силуэт. Это была женщина с грудным ребенком. Свет фар на мгновение выхватил ее страдальческое лицо. Но водитель была непреклонна, и опять они проехали мимо путников. Это было необъяснимо. Разве в кабине не хватит места для этой женщины с ребенком?

– Сострадание – унизительно и коварно. Из-за нее высыхает необходимый сок жития, уходит созерцание мира. Сострадание узко и суть тень себялюбия.

Странно мыслит это ночная гостья. Непонятно даже для такого равнодушного к морали человека, как сам Арсен. Как ни в чем не бывало, она выжимала ногой газ и невозмутимо крутила руль. Неожиданно перед ними побежали косули, вместе с птицами держались рядом с грузовиком.

Красная лампочка замигала на панели.

И тут на дорогу выскочила девочка. Босоногая, оборванная, не старше десяти лет. Воздев руки к небу, она упала на колени, умоляя их остановиться. Но женщина, крутанув руль вбок, ловко обошла девчурку, оставив ее в пыли.

– Все невинное всегда виновно. Виновно в слабостях, а в не в силе. И только видящий поймет и пройдет. Пройдет мимо искушений благой помощи. Все благое имеет тысячи вкусов.

А впереди уже бежала стая волков, временами пропадая из света фар, уходя вперед, а потом возвращаясь.

В темноте показались очертания Богатырской сопки, которая должна была остаться позади, но почему-то оказалась впереди. Подъехали к сопке, водитель, прибавив газу, взлетает на самую ее вершину.

А дальше обрыв и море. Но водитель не сбавляет ходу.

– Стой! – в ужасе кричит Арсен. – Мы же утонем.

Арсен пытается перехватить управление, но хватка женщины оказывается стальной, и ему не удается перехватить руль, они срываются с обрыва и летят в море. Но внезапно появившаяся волна подхватила их и понесла к нависшему над морем шару, откуда исходил яркий, красный свет. И туда, в этот свет, летели они вместе животными и птицами, словно мотыльки на пламя.

Шар проглотил их и также неожиданно исчез, как и появился.

Они очутились на опушке леса, на яркой, залитой солнцем поляне. Птицы и звери исчезли в густой листве леса.

Грузовик остановился.

– Где мы? – спросил Арсен, оглядываясь по сторонам.

– В Заволнии, – ответила женщина.

– Где? – удивленно переспросил Арсен, выйдя из кабины вместе с женщиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.